

The background of the cover is a fantastical illustration. A woman with long, flowing blonde hair is seen from behind, wearing a strapless white bodice and a long, flowing purple skirt. She stands on a rocky shore, looking out at a dark, stormy sea with white-capped waves crashing against jagged, dark rocks. The sky is a pale, hazy blue. The overall mood is mysterious and dramatic.

ЕКАТЕРИНА
ОЛЕНЕВА

16+

Морская ведьма

A decorative horizontal line with ornate, symmetrical scrollwork and floral motifs at the bottom of the page.

Екатерина Оленева

Морская ведьма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44035131

SelfPub; 2019

Аннотация

Зря вы верите в добрых волшебниц! Добро кончается там, где мужчины предают любовь, а женщины начинают мечтать о мести. Морская ведьма, дочь человеческой женщины и короля нагов, мечтает отомстить любовнику, предавшему её, отнявшему самое дорогое. Она находит могущественных союзников и, кажется, цель близка! Но принесёт ли отмщение счастье? Марихат знает одно – будущее всегда важнее прошлого. И она не собирается сдаваться.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	42
Глава 4	62
Глава 5	75
Глава 6	90
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Глава 1

Фабиан де Корсэ натянул поводья, заставляя коня остановиться.

Следующий за ним небольшой отряд последовал его примеру. Впрочем, выбора особенно не было – миновав основую рощу путники вдруг обнаружили, что дальше дороги нет. Впереди простиралось обширное открытое пространство, манящее обманчивой ровностью. Но в том-то и вся беда, что ключевое слово тут было: «обманчивое».

Если хорошенько приглядеться, то даже в предрассветных сумерках можно приметить под зелёным ковром травы слабо мерцающую тёмную, маслянистую воду. Ветер грустно раскачивал камыш, неопровержимо свидетельствующий о том, что впереди простираются знаменитые Сархатские болота.

Давно, в незапамятные времена, здесь плескалось море, но позже оно отступило, оставив тесное, причудливое сплетение ручейков, рек и прудов. Старинные огромные озёра поросли травой и раkitником, превратившись в царство змей и лягушек. Сархаты начинались заливными лугами, но дальше пресноводные воды смешивались с морскими.

Покрытые мхом и осокой, сархатские болота слыли бездонными, но топь не самое страшное, что поджидало неосторожного путника – трясины кишели нежитью. Ни один здравомыслящий человек не сунется сюда без крайней необхо-

димости.

Беда лишь в том, что такая необходимость у Фабиана де Корсэ была.

Двадцать лет, после смерти последнего короля в династии Ромэсингов, страну раздирали гражданские войны. Реки крови не пересыхали, им не предвиделось конца. Государственный переворот, свершённый Магическим Конклавом и Орденом Святых Крыльев, повлёк за собой бесконечное смутное время. Знать то и дело пыталась поднять голову против провозглашённый новой властью Магической Республики, чтобы восстановить монархию. Заговор устраивался за заговором, восстание поднималось за восстанием. Сторонники партии узурпаторов не гнушались показательных казней. Вражда ширилась и разрасталась, война сделалась повседневностью, а мир стал редким гостем в их краях.

Правда сюда, на окраину, к границе, докатывались лишь редкие отголоски бушующих в крупных городах, гроз. Обычные люди продолжали жить своей повседневной жизнью, стараясь не вникать в политику и дворцовые перевороты.

Так продолжалось вплоть до последнего года, когда неожиданно выяснилось, что дочь короля Рэйма Ромэсинга, вовсе не погибла, что ей удалось выжить. Девочку спасли, выдав за королевскую дочку другого ребёнка, предав смерти на глазах у тысячи очевидцев, в то время как настоящую принцессу спрятали от посторонних любопытных глаз.

С появлением Расии Ромэсинг оппозиция, наконец, обрела цель и консолидировалась вокруг юной принцессы. Им приходилось прятаться в подполье, организовать точечные укусы противника партизанскими отрядами, постоянно искать сторонников, но Фабиану де Корсэ это было не по чьём. Он был фанатично предан опальной принцессе и свято верил, что посадить девушку на трон – его святая обязанность.

Молодой барон готов был отдать жизнь за Расию Ромэсинг если понадобится. Он боготворил её. Принцесса казалась ему средоточием всего самого благородного, самого прекрасного, что только может существовать на свете и то, что у молодой самопровозглашённой королевы проблем было хоть отбавляй, казалось чудовищной несправедливостью.

Прознавшие о существовании спасённой королевны правительственные силы выдвинули целую армию, продвигая её к границе. По шпионским донесениям, эта армия шла очень быстро и должна была вот-вот, со дня на день, появиться под стенами замка, где укрылись повстанцы, поддерживающие старую власть.

До сих пор партии принцессы нельзя было отказать в определённой доле везения, но перед превосходящими силами противника шансов у них было немного. Рассчитывать на то, что Вориқан Тейэртос пощадит драгоценную жизнь девушки, в венах которой текла голубая кровь древних королей, не приходилось. Само существование Расии Ромэсинг несло угрозу новой власти. Никто такого не потерпит.

Фабиан из всех старался отыскать способ, который гарантировано защитил бы жизнь девушки от агрессии узурпатора. Но что можно противопоставить мощи, собранной из армии, Конклава Магов и Ордена Святых Крыльев? Где найти достойного их противника?

Совет из доверенного круга приближенных к принцессе лиц проторчал за столом переговоров всю ночь, но к единому решению прийти так и не удалось. Золота, чтобы нанять наёмников, было предостаточно, большинство старой знати успело спрятать богатства и выгодно вложить их в новые предприятия и мануфактуру, но где гарантия, что наёмники в решающий момент не предадут? Тому, кто продаёт себя пушечным мясом за деньги доверия быть не может. Идти до конца, не страшась глядеть смерти в лицо, могут только люди, сражающиеся за идею. Деньги утрачивают ценность вместе с угрозой потерять жизнь, а вот идеи с приближением смерти только растут в цене.

Идея подкупить кого-то из магов казалось разумнее, чем подкуп целой армии. Всё сошлись на том, что маг нужен, но где его искать? При этом ясно было даже ежу, что от белых магов толку как от игрушечного шланга при пожаре, то есть – круглый ноль. Белая магия не приспособлена для атак, даже в оборонке слабая.

Маг нужен был чёрный. Сильный. Лояльно настроенный. Вот тогда и вспомнили о ведьме с Сархатских болот – Морской Ведьме.

Сказки о ней Фабиан помнил с детства. Когда они с братом были совсем маленькими, нянька пугала их, ещё совсем мальчишек, байками о том, что, если не будут слушаться, страшная Морская ведьма ночью выползет из фонтана и утопит их, как котят, в ведре с водой.

Но и когда он подрос, сказки о страшном монстре с болот по-прежнему дышали ужасом.

Ходили слухи о том, что Морская ведьма столь могущественна, что не только использует магию стихии, но напрямую повелевает водой во всех трёх состояниях. Она могла поднять бурю в океане, заставить волноваться воду в реке, вызвать град или дождь. А ещё, согласно народным байкам, колдунья была расположена к людям ничуть не больше, чем демоны из Кровавого Братства. Многих из тех, кто по той или иной причине уходил на болота в поисках Синей Дамы (как деликатно величали ведьму все, кто надеялся убедить её поделиться силой ради достижения собственных целей) больше никто не видел.

– Да как вы себе это представляете? – распылялся комендант крепости, выслушав идею, показавшуюся всем безумной. – Заявитесь к этому исчадию Ада и скажите: «Послушайте-ка, дама, бросайте свои адские игрища, жертвоприношения да зелья! Займитесь-ка лучше благотворительностью? А после того, как этот синий монстр скажет «да», вы, вот так просто, возьмёте и отведёте к нему нашу голуб-

ку-принцессу?

При упоминании Расии сердце Фабиана тогда болезненно сжалось. Рисковать её священной жизнью? Ни за что!

Все озадаченно молчали.

Первым заговорил Гаррет Пилч.

К его голосу прислушивались, потому что именно благодаря ему королева вообще осталась жива. Именно Гаррету пришлось пожертвовать жизнью единственной дочери, выдав её мятежникам, после чего жена Гаррета сбросилась с Королевской Башни в Алой Гавани, проклиная его всем сердцем.

Такая жертва, по мнению одних заслуживая уважения, по мнению других – сочувствия, но в глазах тех и других он имел право первого голоса. Это признавали даже самые упёртые.

– Если удастся убедить Морскую ведьму сотрудничать, она сможет спасти Расию, – величало кивнул седовласой головой старый генерал. – Вопрос в том, каким образом это сделать? Деньги для ведьмы ничего не значат. У неё вообще нет интересов в нашем мире.

На том совете так ничего и не решили, а тучи сгущались – правительственные войска приближались с каждым днём. Вот тогда Фабиан и решил действовать на свой страх и риск.

Да, он понимал, что стоит на кону и принимал риски. Что он собирался сказать бесчеловечному чудовищу, обитающему на болотах, он и сам толком не знал. Надеялся, что его

голос направит сам Господь, а сердце, переполненное любовью и страхом за жизнь любимой, поможет отыскать нужные, правильные слова – подскажет, как достучаться до жестокой ведьмы.

Фабиан с детства верил, что добро сильнее зла, и что в любом, даже самом чёрном сердце сохраняются ростки чего-то светлого и доброго.

В любом случае делать что-то лучше, чем не делать вообще ничего.

– Проклятье! – прошептал Фабиан себе под и тронул поводьями коня, понуждая того двинуться вперёд.

– Ваша милость, – догнал молодого барона один из сопровождающих. – Уверены, что не стоит повернуть назад? Продолжать путь – искушать судьбу. Может, стоит задержаться на пару деньков, отловить кого-нибудь из местных?

– Зачем нам кого-то отлавливать? – нахмурился Фабиан, коротким взмахом руки отгоняя от лица стайку назойливых комаров.

– Нам нужен проводник, знающий дорогу через болота, – пояснил собеседник. – Идти туда без проводника самоубийство.

– Вы знали на что подписывались, вызываясь добровольцами, так что жалобы рассматривать я не намерен. Впрочем, желающие нас покинуть могут быть свободны. Включая присутствующих, – довольно резко бросил молодой барон.

Фабиан понимал настроение людей. Ему и самому было

не по себе от ошестинившихся деревьев, гладких окон воды, проглядывающей в ядовито— яркой зелени, от которой так и веяло угрозой, откликающейся потаённым страхом в сердце.

Но стоит сделать полшага назад... нет! Он пойдёт до конца. Он не вернётся в лагерь ни с чем. Как ни призрачна надежда на успех, но шанс следует использовать.

— Я и не говорю о том, чтобы сдаться, милорд! — горячо возразил солдат. — Я всего лишь пытаюсь воззвать к голосу разума. Как можно пройти по неведомому пути без проводника?

— Изведав его самому, — ответил Фабиан. — Клянусь, что отыщу верный путь через трясину. Не существует на свете топи, через которую нельзя пройти.

Солдат отстал. Во взгляде его красноречиво светилось всё, что он думал по поводу обезумевшего командира, но озвучивать побоялся.

Они продолжили движение вдоль края болота в надежде отыскать безопасную тропку. Ехать пришлось долго. Со всех сторон по-прежнему простирались серовато-коричневые пустоши, лишь где-то через милю удалось набрести на извивающуюся, как змея, проторённую тропинку, ныряющую между тёмных кочек. Она была узкая, во многих местах залитая болотной водой.

— Мы пойдём по ней? — с сомнением протянул кто-то из-за спины Фабиана.

— Как видите, другого пути нет, так что — да. Если кто-то

боится, лучше сказать об этом сейчас.

Боялись многие, почти все, но ни у кого не достало сил признаться в этом. Быть трусом воину – позор и профессиональная непригодность. Если твои товарищи погибнут, будешь потом ночами просыпаться в ледяном поту с чувством вины. Если выживут – как поднять на них глаза? Стыдно. Кроме того, часто встречаясь со смертью на поле боя, эти люди не боялись смерти, относясь к ней как к чему-то необходимому, рано или поздно всё равно неизбежному для всех.

«Но если не смерти боимся мы, то чего же?», – задался вопросом Фабиан, чувствуя, как от ужаса и на его спине проступает липкий холодный пот.

С болот поднимался сероватый туман. Лёгкий ветерок тревожил гладкую черноту воды, оставляя на ней тонкие царапины.

Прошептав про себя короткую молитву, попросив у светлых сил благословления, Фабиан, спешившись, ведя коня в поводу, первым шагнул вперёд. Почва под ногами хлюпала, опасно поддаваясь.

Илистое дно, по которому приходилось брести, заставляло лошадей испуганно прижимать уши, дрожать, время от времени издавая жалобное ржание. Породистые рысаки не привыкли блуждать по топким болотам, их с усилием едва сдерживали.

Вскоре повод в руке Фабиана сделался горячим и влажным, спина и руки заныли от напряжения. Холодный ветер,

налетающий порывами, заставлял дрожать от холода. Серый свет с трудом пробивался из-за густых облаков, окутавших небо. Ветки раскачивались под порывами ветра. В очередной раз комар больно впился в шею и Фабиан, раздражённо прихлопнув его, грязно выругался. Таких выражений не позволишь себе при леди, но они странным образом помогли отвести душу.

В какой-то момент тропа расширилась, сделавшись твёрже и впереди показался небольшой, заросший лозняком островок. Тропа вела прямо к нему, туда, где от островка вглубь леса убегала новенькая гать из крепких брёвен.

Откуда бы ей тут взяться? Фабиану думать об этом не хотелось. Было довольно и того, что она просто есть.

Стоило путникам выбраться на твёрдую почву, кони радостно заржали. Вскоре гать кончилась, но тропинка продолжала петлять между деревьями то вправо, то влево. Ветки деревьев нависали так близко, что то и дело приходилось пригибаться к холке коней.

Фабиан инстинктивно перекинул поводья в левую руку, положив правую на рукоять меча аккуратно перед тем, как глухой и протяжный вой разорвал тишину. Кони, испуганно вострепешившись, попытались перейти на галоп, заставляя вновь изо всех сил натягивать поводья.

Вой прозвучал повторно.

В первый момент молодой барон подумал, что их решились преследовать волки ещё успев подивиться, что же те за-

были на болоте – от Сархатский болот большинство зверья, даже хищного, стремились держаться подальше. Но теперь понял, что к волкам звук, от которого в буквальном смысле слова стыла кровь в жилах, не имеют никакого отношения.

Вой оборвался душераздирающим визгом.

Люди с трудом удерживались от желания отпустить поводья, дав волю лошадям нестись вперёд со всей скоростью, на какую только те были способны. При звуках этого нечеловеческого и не звериного визга волосы вставали дыбом.

Не прекращаясь, пронзительный визг перешёл в низкий, утробный рёв. Каждый перелив долгого звука был заполнен жадой и требованием – жадой жизни и требования насыщения.

– Господи, боже! – закричал кто-то, явно предаваясь подступающей истерике. – Мы все тут погибнем! Мы умрём и попадём в Тартар!

– Закрой пасть! – рявкнул на него Фабиан. – Ты взрослый мужик или испуганный пацан? Смысл скулить, как побитая сука? – он намеренно говорил презрительно, резко и грубо. – Хватит кукситься, парни! Никто не знает, где его подстерегает Костлявая. Можно выжить в пекле и умереть от угарного газа в родной постели. К тому же, не забывайте, наш противник – маг. Не всё, что видишь вблизи жилища мага существует на самом деле. Иногда видимая опасность всего лишь обман, иллюзия, призванная свести с ума или напугать. Если вперед нас ждёт опасность, мы преодолеем её мечом, если

морок – разведем здравым смыслом. Вперёд!

К счастью, речь подействовала отрезвляюще. Парни взяли себя в руки, и они продолжили путь, под звуки не стихающего аккомпанемента, преследуемые по пятам страшными криками, стараясь не обращать внимание на вой и визг, доносящийся из глубины болот и леса.

Постепенно вопли стихли, но спокойней от этого как-то не сделалось. Лес словно вымер: ни птицы, ни зверя. Даже вездесущие насекомые куда-то пропали.

С серебристо-серых стволов, почти полностью лишённых веток, клоками свисал тёмный мох. Бурые стебли болотной травы извивались под копытами измотанных, уставших коней. Ключья тумана цеплялись за стволы, оставляя на всём холодные капли влаги.

«Не стоит ли объявить привал? – подумал Фабиану. – День клонится к закату, а ничего не меняется – вокруг нас по-прежнему лишь мёртвое болото, конца и края ему не видно».

Он уже было принял решение, готовый вскинуть руку, как почувствовал, что его легонько стукнули по спине:

– Смотрите, милорд. Что это?

– Где? Я ничего не вижу.

Но тут он заметил, что туман местами приобретает зеленоватое свечение. Едва заметное поначалу, оно становилось ярче и ярче.

Сияние медленно сгущалось, пока не сплелось в плотную

зелёную колонну шагах приблизительно в пятидесяти впереди.

– Вот же!.. – выругался старый солдат.

– Это проделки проклятой ведьмы! Мы все погибнем! – затагнули старую песню паникёры.

– Тихо! – прикрикнул Фабиан.

Колонна продолжала разбухать, пока не превратилась в кокон или разрыв, повисший прямо в воздухе. Отдалённо это напоминало расплывчатое зелёное стекло, по другую сторону которого проглядывали очертания деревьев и, насколько Фабиан мог судить, какого-то дома.

– Похоже, Морская Ведьма выслала нам персональное приглашение, – без тени веселья хмыкнул молчаливый, угрюмый воин, чьё лицо разрезал на неровные половинки ассиметричный шрам. – Я слышал байки о таком.

– И что говорили? – покосился на вояку молодой барон.

– Да ничего хорошего. Люди рассказывали, что она так развлекается – заманивает к себе симпатичный, пригожих молодых парней.

– Зачем они ей?

– А зачем бабе мужик? Вот за тем, за самым. Только вот тех, кто пошёл за ведьмой, в живых мало кого видели.

Фабиана обнадёжило слово «мало». Значит, кто-то всё-таки эту встречу переживал? Так почему не он? Шанс есть.

Спешившись, молодой человек передал повод от лошади стоящему рядом воину.

– Милорд? – заволновался тот. – Что вы собираетесь делать?

– Принять приглашение. Если завтра до полудня не вернусь, возвращайтесь без меня.

– Милорд!..

– Выполнять приказ.

– Но это безумие!

Безумием предприятие было с самого начала.

Отправляясь в путь, Фабиан почти и не надеялся найти загадочную Морскую ведьму, потому что тоже слышал слухи – найти её можно только в том случае, если она сама пропустит неосторожного путника. А если нет, так можно до окончания века ходить кругами по болоту, пока не сгинешь.

– Вы вот так и пойдёте? – люди смотрели на Фабиана как на сумасшедшего. – Да мало ли куда ведёт проход? Может это ловушка?

Фабиан вздохнул, ловушка или нет – идти придётся.

Перед тем, как сделать шаг в неизвестность, он решил провести, как говорится, разведку боем. Подхватив с земли достаточно прочную палку, ткнул ею в зелёный портал. Держа ветку за основание, протолкнул конец через зелёную границу.

Тот плавно исчезал, проходя беспрепятственно. Когда Фабиан вытащил палку обратно, та была цела и невредима.

– Кажется, можно идти, – улыбнулся он.

– Это безумие!

Так могло продолжаться бесконечно долго.

Фабиан решил действовать на свой страх и риск. Медленно, он двинулся вперёд, прямо в эпицентр зеленоватого сияния. Чем ближе он приближался, тем ярче оно светило и вскоре свет окружил его со всех сторон. Слышалось странное жужжание-потрескивание, будто неподалёку находился улей с растревоженными пчелами. В какой-то момент свет сделался непереносимым и пришлось закрыть глаза.

Фабиан кожей чувствовал сопротивление завесы, а потом вдруг всё резко исчезло: ощущение упругого сопротивления пространства, неприятный звук и режущее глаза свечение.

Он обнаружил, что стоит над бескрайним бушующим океаном на гигантском, круто обрывающемся мысу. Океан катил мёртвую зыбь с такой силой, что становилось понятно – море растревожено и не собирается в ближайшее время униматься.

Серые валы разбивались о берег яростно, грозя гибелью всему живому, что только может быть захвачено их яростным течением.

– Какой приятный сюрприз! – раздался рядом мягкий и вкрадчивый, насмешливый голос. – Сам Белый Рыцарь, собственной персоной, к нам припожаловал?

Женщина сидела на большом камне. В первый момент отчего-то показалось, у неё не ноги, а длинный хвост вниз с камня спускается, но стоило моргнуть, как морок развеялся.

Фабиан всегда представлял себе могущественных ведьм

седыми, строгими старухами, уродливыми и опасными, но та, что сидела сейчас на камне перед ним выглядела юной – не старше двадцати лет.

Одета так, как и их краях никто не одевается. Похоже, что кто-то смешал густой белый туман с серыми тучами, заставил ткань сиять мелкими алмазами, да и набросил ей на плечи. Ни шёлк, ни атлас, ни муар, ни парча – что за ткань? Не определишь, но смотреть приятно.

Правда, легкая слишком. Как только ведьма не мёрзла в своих одеждах-то.

«Очнись, парень! – сказал он себе строгим отцовским голосом. – Перед тобой ведьма. С чего бы ей мёрзнуть, как обычной женщине?».

Ведьма сидела на камне неподвижно, как пригревшаяся ящерица. Лишь волосы клубились за точёными плечами словно туман. Белые, как снег и густые, словно не у человека, а у куклы какой.

Даже у Расии волосы были темнее.

– Ну что, Рыцарь? Долго пялиться-то на мою красу девичью будешь? Хотя, гляди. Я за погляд денег не беру – смотри, коли хочется. Только не стой там, над обрывом, мало ли что приключится? Лучше подойди ближе. Побеседуем. За этим ведь пришёл?

Пока она говорила, показывая в усмешке ровные, как жемчуг, зубы, Фабиан стоял, как вкопанный, словно и руки, и ноги отяжелели. Весело ей! А глаза серые, светлые и холод-

ные, жуткие, не смеялись – затягивали, как воронка холодного течения. В такую не дай бог попасть – сгинешь в омуте.

Заглянув в эти серые, мглистые, жестокие глаза Фабиан действительно уверовал – никакая перед ним не девка. Настоящая ведьма.

Морская ведьма.

И ему нужно завершить то, зачем пришёл – убедить её встать на их сторону.

Глава 2

Фабиан ко многому приготовился: к бою, к переговорам, к самопожертвованию или вероломству врагов, но вот то, что Морская ведьма оказалась такой молодой, стало для него полной неожиданностью.

Может быть, она не одна? Может быть, у них тут целая династия под одним именем веками существует? Вот и получается, что выглядит она ему ровесницей, ну, может чуть старше или младше, хоть слышал он о Морской ведьме ещё будучи ребёнком.

И она красивая. Причём, той особенной красотой, что от нарядов не зависит, будто изнутри вся светится.

А может, это морок? Видит он перед собой красотку, а стоит сорвать иллюзию, как вуаль, и окажется, что перед ним уродливая старуха с горбом и носом до подбородка?

– Так и будешь тарашиться? Или, наконец, откроешь рот, чтобы сказать, зачем пришёл?

Говорила ведьма насмешливо, смешком всё и глаза большие, как озёра глубокие, шурила. А у Фабиана от её голоса и взгляда мурашки по спине бегали.

Странное это чувство – бояться красивую девку. Хуже дела нет перед девчонкой слабость показывать. От насмешек её, затаённых, невысказанных, обида берёт да раздражение, но давать волю им нельзя.

– Я ищу Морскую ведьму. Не ты ли, часом, её будешь? – не слишком приветливо начал он.

Девчонка в ответ фыркнула, как кошка, вдохнувшая воду:

– А если не я, то что?

– Тогда направь меня к ней.

– Даже не знаю... как направляют к Морской Ведьме? Иди вон по каменной тропинке до самого дна морского – там и встретит тебя твоя ундина. Ну, или не твоя – любая другая.

Она над ним откровенно издевалась. Эх, случись их встреча при других обстоятельствах, может, он и сумел бы поставить девчонку на место, но сейчас слишком многое было поставлено на карту. Не время для личных споров.

Он продолжил вежливо, хотя на подобострастный тон его всё же не хватило:

– Морская ведьма – это ведь ты?

– Как догадался? Умный, что ли? Видимо, в людских землях что-то особенное происходит, раз Белые рыцари, помимо желания совершить подвиг, ещё и думать пытаются.

– Я пришёл просить помощи.

– Какая честь для меня! – прошелестела Дева на Камне.

Потом шевельнулась, меняя позу и милостиво разрешила:

– Ну, проси, раз пришёл.

И под её змеиным, острым, как бритва взглядом, Фабиан почувствовал себя мальчишкой, вышедшем отвечать к доске неприготовленный урок. Руки противно потели, язык норовил прилипнуть к гортани. Тысяча и одно проклятье! Да

лучше сражаться с дюжиной противников! Лучше на зверя лесного охотиться с одной рогатиной! Лучше нечисть в полнолуние выслеживать, чем с бабой переговоры вести!

— Что-то ты не больно-то красноречив? — высокомерно выгнула ведьма бровь. — Там, откуда тебя принесло, никого горливей не оказалось?

— Прекрасная Дама из Синих Вод...

В своё время у Фабиана прекрасно получалось крапать стишки — девушки на балах любили льстивые речи, куртуазные манеры, изящные танцы и сладкие комплименты, а Фабиан любил девушек. Ему приятно было их внимание, так что кое-что о лести он всё-таки знал и попытался применить на практике.

— Вы, наверное, знаете, как далеко распространилась слава о ваших колдовских искусствах?

— Догадываюсь.

По выражению лица ведьмы что-то было непохоже, что она впечатлилась.

— Слава моя разлетелась далеко, как гром после шарахнувшей с неба молнии, — в очередной раз усмехнулась она, потом добавила, посерьёзнев. — Скажи-ка, мальчик, как тебя зовут?

— Фабиан.

— Ну так вот, Фабиан — давай короче? А то мы в таком темпе до сути дела доберёмся ко Всемирному Потопу.

Фабиан до боли сжал челюсть, стараясь держать себя в ру-

ках. Пытаясь остаться милым, каким он всегда привык быть с дамами – с теми, что не ведьмы.

– Вы знаете о той несправедливости, что раздирает королевство в наше жестокое время?

– Людские королевства всё время раздирает несправедливость. Мне-то до этого что за дело?

– Несправедливость хуже преступления! – сорвался он. – Грязные смерды посмели поднять руку на святого помазанника Божьего! Они убили короля!

Ведьма сощурилась, окатив Фабиана холодным взглядом:

– Вы пришли сюда комедию ломать? Тогда не доигрываете. Пафоса маловато. Для пущего эффекта следует возвести прекрасные очи горе и экзальтированно заломить руки. По крайней мере, в дешёвых балаганах, что вы называете театром, все так делают.

– Это не комедия! Это – жизнь!

Речи собеседницы вывели Фабиана из себя. Он не понимал, как можно говорить о таких вещах в таком тоне?

– Кровь невинных пролилась на камни – высшая кровь.

– Да уж, – скривилась ведьма, словно откусила червивое яблоко. – Вижу, что с выводами про наличие мозгов у рыцарей я, пожалуй, поторопилась. Оно и правда – зачем вам мозги? Только действовать мешают. Главное для таких как ты – что? Исполнять приказы. И бесконечно повторять цитаты из святых книг. Вдумываться в смысл лишнее.

Женщина выпрямилась, строго на него взглянув:

– Глупый мальчишка! Ты пришёл сюда просить меня вникнуть в людские разборки? Меня должна тронуть, – как ты там выразился? «Невинная кровь помазанника божьего»? Да этот «помазанник» получил по заслугам. Если сажаешь свою задницу на трон с единственной целью – покрасоваться перед подданными да с шиком пройтись на балу, выбрасывая коленца, – не стоит слишком удивляться, когда твою дурную голову тебе оторвут.

– Как вы смеете?.. – задохнулся Фабиан.

– Тут храбрости особой и не нужно. Уж не тебя ли мне бояться?

– Я не угрожаю женщинам, – горделиво продекламировал Фабиан. – Не в моих правилах их пугать. Но я не могу позволить вам говорить в таком тоне о святых для меня вещах.

– Я потеряла нить разговора – о каких святынях идёт речь? Об отрубленной голове Их Королевского Величества, которой его же собственные подданные играли, словно мячом?

– Послушайте! – горячо взмолился молодой человек. – Вы должны мне помочь! Страна в опасности...

– С какой пьяной радости, дурачок, я что-то тебе задолжала? Ты меня, конечно, веселишь полудетским лепетом, но мне не настолько смешно, чтобы по собственной воле лезть в клоаку, какой испокон веков является ваш человеческий род, – с презрением проговорила она.

– Да, конечно, простите, я... я не так выразился... – ис-

пугавшись, что она сейчас исчезнет или выставит его вон, скороговоркой заговорил Фабиан. – Это всё из-за того, что я волнуюсь. Мне в такие минуты всегда трудно подбирать слова. Вы моя последняя надежда спасти мою принцессу. Поймите, если вы откажетесь нам помочь, её убьют!

Тонкие брови ведьмы поднялись вверх, словно крылья бабочек:

– Спасти «вашу принцессу»? Любопытно! С чего это она «ваша»? У вас есть на неё поводок? Или вы купили на неё право пользования? Ах, да! Конечно! Вы, наверное, снова не так выразились? Белый Рыцарь, – с издёвкой протянула она.

– Послушайте, можете насмехаться, издеваться, скормить меня вашим крабам, если хотите, только – помогите! Прошу вас! Мы готовы заплатить за спасение Расии любую цену, какую только назовёте. Хотите золото – будет вам золото. Хотите земли и титул в потомственное пользование – получите землю и титул, как только Её Величество займёт трон. Получите всё, что пожелаете. Хотите крови... – Фабиан запнулся, кусая губы. – Ведь для тёмных ритуалов часто используется кровь? Вы и её получите.

– Вот как?

В голосе ведьмы на этот раз не прозвучало эмоций

– Каким же образом вы обеспечите мне приток крови? Рабов на убой пригоните?

– Зачем вы так? – покачал головой Фабиан. – Найдутся добровольцы, согласные для святого дела отдать свою кровь.

Свою жизнь, если понадобится!

– Вы такой доброволец, насколько я понимаю?

– Если пожелаете – да. Только в обмен дайте слово, что поможете Рации.

– Положим, дам я вам слово? Возьму вашу жалкую жизнь, вашу красную кровь и... – ведьма окинула его очередным саркастичным взглядом. – И мускулистую плоть. Кстати, во-все не факт, что я вырву вам сердце и печень на жертвенном алтаре во славу древних богов на старинном капище. Я могу вас банально... съесть.

– Как?.. – удивлённо распахнул глаза Фабиан.

– Зубами. Ещё, правда, не решила, предварительно обжа-рю со специями в кипящем масле или прямо так, живьём слопаю? Вам самому как больше нравится? Не отвечайте! Этого не требуется. Пищи слово не давали. Но к чему я ве-ду? После того, как я дам вам требуемое слово, а потом со-жру, ведь даже свидетелей договора не останется? И когда ко мне приведут принцессу... что помешает мне съесть и её? Следом за вами?

– Вы не посмеете!.. – сверкнул глазами Фабиан. – Это бу-дем бесчестно! Подло!

– А если я бесчестная и подлая? Вы такой вероятности не допускаете?

– Если бы были бесчестной, вы бы так не говорили.

– Понятно. Всё ясно. Я не посмею поступить вышеописан-ным способом потому, что это подло, низко и не питательно?

Принцесса-то, поди, совсем тощая? И такая же безмозглая, как и её папаша и паладин?

– Должен быть способ, который заставит вас держать слово! Магическая присяга или клятва?

– Способ-то может быть есть. Да вот ты-то об нём не знаешь?

– Мы оба понимаем, что вы не станете никого есть. Зачем вы говорите со мной, точно с ребёнком?

– Потому что со взрослыми я очень жёстко разговариваю, мальчик. По-взрослому. Кстати, о том, что ведьмы не страдают каннибализмом – ты ошибаешься, как и во многом другом. Но речь сейчас не об этом. Мне вот очень интересно, каким образом, по-твоему, я могу спасти «твою» принцессу?

– Вы можете спрятать её здесь, защитить от войск маршала Молний.

Лицо ведьмы изменилось.

Фабиан впервые понял, какими жуткими могут быть тонкие, классически-правильные женские черты.

– Маршала Молний? – прошипела она, опуская голову так, чтобы упавшие волосы скрыли её лицо. – Ты сейчас говоришь о Ворикайне Тейэртосе?

– Его войска двигаются к нам с юга, опустошая земли, обескровливая провинции, угрожая жизни последней из рода священного рода Ромэсингов. Именно поэтому я пришёл сюда, к вам за помощью.

– Да плевать мне на Ромэсингов! «Священный род»! Да

с чего бы?! Их родоначальником был обыкновенный барыга, сбивший состояние на спекуляциях с зерном. Пройдох, сумевший заключить выгодные союзы с бойцами и магами. Каждый из Священных Кланов обманул себя мыслью, что таким вертопрахом легко будет управлять, вот и позволили ему занять трон. Но у первого Ромэсинга хотя бы азарт и кураж был? Последние же представили рода не тянули на звание выше кукол, разодетых в кружево. «Священный род»! Просто смешно.

– Хорошо! – тяжело дыша, кивнул Фабиан. – Пусть Ромэсинги – всего лишь прах, пусть людские игры – это глупость, и договоры ничего не стоят. Но ведь из простого милосердия вы же можете спрятать Расию от герцога Тейэртоса?

– Из «простого милосердия»? – захохотала ведьма. – Да где взять милосердия той, в чьём сердце плещутся волны, в чьей душе воет северный ветер? Нет у меня милосердия, мальчик. Ни для тебя, ни для твоей маленькой слащавой дурочки. Поищи-ка другие аргументы для убеждения.

– Ты женщина! Не может быть, чтобы ты просто стояла и смотрела на то, как будут убивать ни в чём неповинное существо!

– Каждый день, каждый час, каждую минуту чей-то безжалостный меч отнимает чью-то невинную жизнь. Что с того?

– Но ты можешь просто – помочь?!

– Могу. Тому, кто мне симпатичен. Но в данном, конкрет-

ном, случае таких нет.

Фабиан опустился на колени, в отчаянии простирая к ведьме, равнодушной, как камень, на котором она сидела, руки в неистойой мольбе.

– Прошу тебя! Если ты откажешься, Расию уничтожат! Я сделаю всё, что ты потребуешь, всё, что захочешь, только помоги спасти любимую. Жизнь за жизнь – равноценный обмен? Возьми мою жизнь, чтобы спасти её!

Легко оттолкнувшись рукой от камня, ведьма плавно опустилась на землю. Так плавно, будто не спрыгнула, а прилетела.

Она с любопытством испытателя смотрела на молодого человека, вставшего перед ней на колени:

– О! Вот это уже весомый аргумент! Мы, наконец-то, перешли от общего к частному, от абстракции к конкретике, от теории к практике. Высокая идея о спасении мира обернулась мольбой спасти жизнь любимой? Вот это интересный поворот! Ты правда любишь эту девушку, смертный?

– Да! Люблю! Тысячу раз – да! Я знаю, что моя любовь невозможна, даже преступна, что мы никогда не будем вместе. Моя любимая рождена для высокой доли, в то время как я... – он судорожно вздохнул, сжимая кулаки, – я обыкновенный солдат, охраняющий границы. Но я никогда и не смел надеяться, что...

– Ложь.

– Что?.. – поднял дикий взгляд на ведьму Фабиан.

– «Я никогда не смел надеяться», – с издёвкой передразнила она его. – Ложь всё это. Конечно, ты надеялся. Ещё как. Разве в твоей жизни не встречались девушки симпатичнее, полнокровнее, достойнее этого обломка выродившегося рода? Этой белобрысой самовлюблённой куклы? Но эти девушки были всего лишь «эти девушки». А Разие – «твоя принцесса»! Обладать кем-то столь высоким – какой раздражающий бальзам для мужского самолюбия, правда? Чем обычная смазливая баба отличается от бабы в короне? Именно ей – короной! И ты будешь лгать мне о любви? Хотя, постой?.. – снова засмеялась она, и смех был колючий, как ветер, несущий крупницы снега по ледяному насту. – Ты не мне лжёшь – ты лжёшь самому себе. Любишь ты свою Разию. Как же!

– Люблю! Чтобы ты не говорила – люблю! Всем сердцем! Всею душой! Как только может любить мужчина женщину...

– Ага. Добавь ещё, как козёл капусту. Чем капуста питательней и полезней, чем вилок больше – тем мужская любовь сильнее.

– Да что ты знаешь о людской любви?!

– Увы, но о мужской любви я знаю достаточно, чтобы ценить её меньше, чем ничего. Именно этим, – ничем, – ваша любовь и является. Большим, ярким, переливающимся на солнце мыльным пузырьём. Плюх! – резко хлопнула она в ладоши перед его лицом. – Всё!

Ведьма, кружась, как акула вокруг жертвы, отошла за спину Фабиана, чтобы положить руки ему на плечи. Их нечеловеческий холод он почувствовал даже через одежду.

– Было – как не было. Любовь как громкая трещотка пустопорожних фраз. Любовь – это замки из туманов, это кружево из паутины лживых слов.

– Мне жаль тебя, если ты так думаешь! Возможно, тебе не повезло в любви, но, ведьма! – прости, что обращаюсь к тебе так, я ведь не знаю твоего имени, – не все мужчины одинаковы. Иным можно верить.

– Хочешь, чтобы я поверила? Тебе? Поверила в твою любовь к твоей принцессе, мальчик?

– Испытай меня, если хочешь!

– Ладно, – охотно подхватила она. – Пройдёшь испытания, я спасу для тебя твою принцессу. А нет – вернёшься в болото, из которого я тебя вытащила.

– Я уже сказал, ради Расии я готов умереть.

– Я слышал. Но чтобы сдохнуть, большого ума не надо – ум нужен, чтобы выжить. И мне не нужна твоя жизнь, мальчик. Ты при любом раскладе останешься жив. Если выиграешь ты – получишь жизнь своей принцессы, если выиграю я – её участь решит лорд Молний. Ну что? Измерим силу твоей любви, человечек? По рукам?

Фабиан не колебался ни минуту:

– По рукам!

Улыбка ведьмы ему не нравилась, но усомниться в соб-

ственным выборе всё равно не заставила. Не пристало воину и дворянину пасовать перед слабым полом. Да и любопытство подталкивало узнать, что сможет она ему сделать?

Ведьма усмехнулась, не разжимая губ:

– Вижу, мальчик, ты никогда близко не сталкивался раньше не только с ведьмами, но и просто с женщинами? Ты знаешь, какого это – быть с женщиной?

Подобное предположение его оскорбило:

– Всерьёз думаешь, что у меня не было женщин?!

– Я об этом никак не думаю, ни в шутку, ни всерьёз.

– Хватит попусту пускать слова на ветер. Ты обещала испытание.

– А ты обещал выполнить всё, что пожелаю.

– Ваше Темнейшество уже придумали желание? – с издёвкой спросил он.

– О! Что слышится мне в голосе твоём, светлый рыцарь? Уж не потуги ли на иронию или сарказм?

– Так придумала или нет? – раздражённо тряхнул головой Фабиан.

– Придумала, конечно. И не надейся, что я стану вести с тобой честную игру. Я намерена осквернить твою любовь самым грязным и недостойным образом.

– Каким же?

– Цена моего участия в спасении твоей принцессы – жаркая ночь с тобой, мой Белый Рыцарь, – насмешливо проговорила ведьма.

Фабиан почувствовал, как кровь приливает к щекам, а затем также резко уходит.

Она над ним насмехается?! Издевается? Неужели всерьёз желает?..

– Вы?.. Хотите, чтобы я... был с вами?..

– Ну, если ты предпочитаешь называть некоторые вещи столь деликатным образом как «быть», – да. Желаю.

– Но – почему? Я же вам не нравлюсь?

– Верно, не нравишься. Ни капельки. Что женщине, имеющей вкус к жизни, может понравиться в таком плюшевом щеночке, как ты? Разве что у кого-то материнский инстинкт сильно развит?

Нет! Она нарочно провоцирует его, стараясь вывести из себя. И, признаться, у неё это отлично получается. Фабиан чувствовал не просто раздражение – настоящую злость. Но нельзя позволять себе терять самоконтроль. Она же только этого и добивается.

– Разве вам не будет неприятно находиться в объятиях человека, который любит другую женщину?

– Мне приходилось терпеть кое-что похуже. Ну, так как? Выполняешь условия сделки? Или убираешься прочь?

Фабиан сжал челюсть. Черта с два он позволит этой кукле вертеть собой! Она думает, что может безнаказанно ходить с ним по тонкой грани? Думает, что он безобидный мальчишка? Может и так. Но этот мальчишка не позволит ей безнаказанно развлекаться за свой счёт!

– Хорошо, – зло процедил он сквозь сжатые зубы. – Будь, по-твоему.

Она думает, что он пушистый белый котёнок? Ошибается! Фабиан умел быть и дерзким.

Он не признался бы и под пыткой в том, что его безмерно раздражала и одновременно с тем восхищала, пусть и против воли, уверенная сила, исходящая от Морской Ведьмы. К стыду, к своему, ему не удавалось оставаться перед этой женщиной совершенно бесстрастным. Эти гибкие, словно змеиные движения завораживали и вызывали в тяжёлый, чёрный вихрь в его сердце. При одном взгляде на Ведьму всё внутри Фабиана леденело, как при виде смертельной опасности, только тело пылало как в огне.

Как это возможно, глядеть в серые, светлые, как лёд, глаза и видеть – тьму?

Ведьма мягко кружила вокруг, словно акула, готовая напасть. В воде нападение акулы – верная смерть, это знает даже такая сухопутная крыса, как он.

Фабиан молчал, кусая губы, пока кончики ледяных пальцев ведьмы скользили по его шее, замерев у кадыка. Она словно отрезала ему путь к отступлению, и он чувствовал себя униженным, но не смел проявить недовольства, боясь её рассердить – ведь от ведьмы зависело самое главное, самое дорогое в его жизни.

В серых глазах, обращённых к нему, тепла не больше, чем в ледяной метели. Невозможно ни почувствовать эмоции, ни

разглядеть душу.

Да и есть ли у ведьм душа?

Фабиан мало что знал о Синей Даме, ещё меньше понимал он в ведьмах, но даже того, что знал и понимал было достаточно, чтобы осознавать – он не нужен ей. Совсем. Даже в качестве любовника на час. Он просто игрушка. Она играет с ним как кошка с мышкой, лишь до поры не выпуская из лап смертоносных когтей.

Её ладонь скользила по его щеке и казалось, что к коже приложили кусок прохладного шёлка. Прикосновение могло сойти за ласку.

Фабиан ощущал горьковатый запах, исходящий от белокурых волос.

У Расии волосы тоже были светлыми, но у ведьмы они гуще и блестят ярче. В них словно звёздочки вспыхивают.

Как такое возможно?

Против воли взгляд Фабиана опустился ниже.

Талия у ведьмы тонкая, ладонями обхватить можно. Пышная грудь полуоткрыта.

Стоило лишь взглянуть в соблазнительную ложбинку женского корсажа, как он ощутил острое желание. Член отвердел от внезапно нахлынувшей похоти, в паху тяжело ныло от болезненной сладости. Фабиан изо всех сил старался сохранять спокойствие и бесстрастность, но с каждым мгновением ему всё труднее было держать себя в руках.

Ведьма вдруг прижалась к нему всем телом так, что он

прочувствовал, ощутил все изгибы её хрупкого, гибкого, податливого под руками тела и, сдаваясь, уже не помня себя от накатившей любовной горячки, наклонился вперёд, сминая, словно первоцвет, целуя сладкие, влекущие губы.

Всё было как во сне.

Только что они вроде как стояли на утёсе над морем, и вот уже лежат на широкой кровати под голубым балдахинном, на светлом, гладком, как внутренняя сторона раковины, шёлке. Волосы ведьмы дождём рассыпались по плечам и подушкам. Глаза горели мрачным огнём. Так сразу и не поймёшь, что же в них полыхает ярким пламенем? Страсть? Насмешка? Желание унижить? Или – убить?

Её совершенная, словно точёная, крепкая и упругая, пусть и небольшая, грудь полностью открылась взгляду, когда ведьма откинулась назад, опираясь на руки.

Фабиан до хруста сжал зубы, чувствуя отвращения к самому себе, презирая себя за то, что чувствовал, но он был в силах противиться накатившему наваждению. Рука словно против воли потянулась к штанам, распустила завязки, сжала твёрдый, как камень, член.

Он был так сильно возбуждён, что тело требовало немедленной разрядки.

А она бесстыдно откинулась на подушки и насмешливо наблюдала, приподняв бровь. Одновременно и доступная, и бесстрастная, как древний идол.

Ненавидя её за свою слабость, Фабиан позволил себе на-

броситься на неё диким зверем. Терзал её губы жадным поцелуем, сжимал руками маленькие груди, может быть, даже и до боли. Чувствуя, как всё быстрее бежит кровь по венам. Как всё сильнее полыхает в его теле жар.

Это был яд, попавший в кровь. Теперь даже если бы ведьма приказала ему остановиться, он бы сопротивлялся – он бы пошёл до конца.

Соитие было бурным, похожим на дикий опасный танец. Фабиан плавился на опасном, совершенно незнакомом ему огне, к которому оказался совершенно неподготовленным.

Ведьма! Колдовское отродье! Наверняка это всё чары!

Такого урагана, в который его затянуло, он в жизни не знал. Ни разу его сердце не билось в унисон всему тому безумию, что творилось вокруг.

Заклинание: «Всё ради Расии», – забылось напрочь.

Он его не вспомнил. Оно больше не действовало. Фабиан потерял себя в дьявольском поцелуе и бесовском сплетении тел.

– Ведьма! – хрипло выдыхал он, бурно кончая.

Фабиан и понятия не имел о том, что оргазмы могут быть такими яркими.

Он ещё не успевает прийти в себя, как ведьма, змеёй выскользнув с кровати, набросила на плечи бархатное платье, пряча жемчуг своего тела в раковину одежд. А от её ледяного взгляда обнажённому Фабиану сделалось холодно.

– Что ж? Ты не удивил меня, смертный, – протянула она

с жёстким презрением. – Такой же жалкий, как многие тебе подобные.

Фабиан, увы, не мог возразить. Он действительно сейчас и жалок, и омерзителен.

Проклятая ведьма! Она пустила яд в его душу! А самые токсичные яды невозможно нейтрализовать простыми средствами.

– Ты проиграл, мальчик, – коротко констатировала она.

– Я сделал то, что ты требовала.

– Я требовала доказать твою любовь к твоей принцессе.

По-твоему, тем, как ты трахнул меня, ты проявил к ней безмерную любовь и уважение?

– Ты сама потребовала от меня этого! – заорал он, срываясь.

Ведьма села в кресло, забрасывая ногу на ногу. И он с трудом оторвался взгляд от её нежного колена, мелькающего в разрезе, заставляя себя сосредоточиться на разговоре.

– Будешь лгать, что только мысли о Расии заставляли тебя действовать? – ухмыльнулась он. – Мы поиграем в игру, «я не знаю, что ты прикрываешься именем Расии и большой любовью к ней, чтобы оправдать то, что всегда готов отыметь подвернувшуюся под руку пригожую бабёнка»?

– Ты околдовала меня...

– Да что ты?

– Ты – шлюха! Сколько мужчин было на моём месте? То, что было между нами ничего не значит!

– На твоём месте было столько мужчин, сколько я позволила. Я не шлюха. Я тебя не околдовывала. А то, что случилось между нами многое значит. Например, то, что ты не стоишь моих услуг. И то, что принцессе не стоит на тебя полагаться. Ты – слабак, Фабиан де Корсэ. Так, кажется, тебя зовут? – нахмурилась она и тонкая морщинка пролегла на мгновение между бровей. – Впрочем, твоё имя мне не важно. Наше знакомство всё равно завершено.

– Ты не посмеешь просто так взять и выбросить меня, как щенка, за дверь!

– За дверь? Что ты? Конечно, нет. Там у меня растут дорогие сорта бархатных роз. Я не рискну их оставить в твоём ненадёжном обществе. Я верну тебя откуда взяла – на болото.

– Ты воспользовалась мной!

– Утешь себя тем, что ты мной – тоже.

– Ты не посмеешь!..

– Ты это уже говорил, – зевнула она.

А потом щёлкнула пальцами. И молодой человек исчез.

Ведьма со вздохом взглянула вниз – на полу, на дорогом ковре осталась лежать одежда юноши.

Мгновение она поколебалась, потом щёлкнула пальцами ещё раз.

– Он хоть и щенок, но не пускать же его с голой задницей в холодную трясину? Да, знаю, я слишком добра к нему,

но мальчик заслужил свои кальсоны и меч – любовник он неплохой. Не то, чтобы стоил двух оглядок, но среди людей встречались и похуже.

Тишина в доме разразилась тревожным шипением.

– Что там ещё? – нахмурилась ведьма, резко оборачиваясь.

Зеркало со стены мигнуло и через мгновение отразило нового посетителя.

Синяя Дама перестала улыбаться.

– Лорд Молний пожаловал раньше, чем я ожидала.

Глава 3

Зеркало (хотелось бы сказать «отразило», но нет – показало) мужчину в военном облачении. Впрочем, элементы военной одежды в костюме лишь сохранились, акцент делался не на практичность или удобство – подчёркивалась роскошь наряда. Рядом с тонко выделанной кожей соседствовали вставки серебряной парчи. Остроносые сапоги начистили до такой степени, что аж глаз резало от сияния. Поверх кожаных брюк и рубахи с богато украшенным воротом было накинуто нечто наподобие просторной тёмной мантии с глубоким капюшоном.

Сейчас капюшон был откинут, позволяя рассмотреть незваного гостя. Свет падал прямо на узкое лицо с острыми чертами, не оставляя простора для фантазии.

Острым в облике визитёра было всё – подбородок, чуть удлинённый нос, высокие лепные скулы и глаза, оттянутые к вискам. Острым был взгляд стальных глаз. Острой была и кривая улыбка на бледных, узких, плотно сжатых губах.

Длинные бескровные пальцы украшали перстни с голубыми и синими камнями. В ушах болтались серьги со сверкающими, прозрачными бриллиантами. Волосы, светлые, как у альбиноса, собранные в высокий хвост на затылке, была так гладко зачёсаны, волосок к волоску, что вокруг лица не ви́лось ни одной пряди.

Отчасти из-за любви к сверкающим бликам на чёрном фоне, отчасти из-за сходства с летящей стрелой Ворикайна и прозвали лордом Молний. Впрочем, его манера вести бой, быстро разя врага, тоже внесла свой вклад в получении прозвища.

Лёгкий на подъём, беспощадный не только к врагам, но и к сторонникам или союзникам (друзей у этого человека не было, но он и не страдал по этому поводу, никогда не испытывая нужды в близком человеке) он разил, не думая дважды, всегда соблюдая интересы лишь одного человека – своего сюзерена. Единственное существо, которому по непонятной причине лорд Молний сохранял преданность.

Зеркало мигнуло и, на миг покрывшись рябью, как река, перестало транслировать образ гостя, через мгновение вновь отразив лик хозяйки. На этот раз лукавое и насмешливое выражение лица Ведьмы сменилось ожесточённостью, когда она направилась к двери, за которой висела вниз лестница-ракушка.

Осторожно ступая, спустилась вниз в круглый зал, насквозь просвеченный светом, свободно вливающийся в большие окна и взмахом руки отперла для визитёра двойные массивные двери.

Те распахнулись бесшумно, словно ветром толкнуло.

– Какой приятный сюрприз! – привычный сарказм вернулся в голос колдуньи. – Кого я вижу? Неужели сам лорд Молний пожаловал к нашему порогу? Да через столько лет?

Чему обязана такой высокой чести?

Мужчина небрежно кивнул с самым невозмутимым видом:

– Здравствуй, Марихат. Рад видеть тебя. С тех лет, как мы встречались в последний раз, ты ничуть не изменилась.

Ведьма издала смешок:

– Жаль, не могу сказать о тебе того же. Котята неизменно превращаются в котов, хотим мы того или нет. Печально! Ведь они в разы забавней взрослых особей. Коты скучны и ленивы.

Она на мгновение смолкла и, не дождавшись ответных слов, продолжила, словно бы даже с досадой:

– Не стану делать вид, что рада тебе, лорд Ворикайн. Или что твой визит для меня неожиданность. Выкладывай, зачем явился?

Гость стоял перед хозяйкой дома, широко расставив ноги и положив руку в перстнях на эфес меча. Его поза была расслабленной и, в тоже время, уверенной. Он явно чувствовал себя хозяином положения.

– В свете последних новостей о воскрешении принцессы Ромэсинг цель моего визита разве не очевидна?

– Зря проделал длинный путь. Ромэсинги меня не интересуют. Мне нет до них дела. Как и до жизни остальных людей.

Заметив, что лорд, судя по всему, её заявлением не впечатлён, Марихат продолжила, передёрнув плечами:

– Я не собираюсь вмешиваться в ваши людские склоки. В

последний раз, когда я это сделала, жизнь одарила меня бесценным опытом. Я усвоила урок и в закреплении материала не нуждаюсь.

– Боюсь, ты заблуждаешься, тая надежду отсидеться в стороне. У тебя не получится.

– Даже так? – холодно воскликнула она. – О! Как интересно! В таком случае ты, конечно же, развеешь мои иллюзии и сообщишь о том, какая нужда заставит меня отступить от изначального плана?

Ворикайн устремил на неё прямой, жёсткий взгляд:

– Принцессу необходимо уничтожить, – твёрдо заявил он без всяких колебаний.

– Уничтожай, – вновь пожала плечами Марихат. – Тебе для этого, что? Моё благословение требуется?

– Так далеко зайти я не пытаюсь, – дёрнулся уголок бледно-розовых, тонких губ. – Вполне достаточным будет твоего невмешательства.

– До того, как ты дерзко заявился в мой дом, у меня и в мыслях не было во что-то вмешиваться. Повторю, на тот случай, если ты, по своей привычке, прослушал все те тридцать три раза, что я проговорила – ваша возня не моё дело.

– Марихат, – в холодном, как лёд, до этого, голосе зазвучали мягкие нотки. – Ты не поверишь мне, в очередной раз, но я снова лишь пытаюсь защитить тебя...

– В последний раз, когда Ваша Милость меня защищали... даже вспоминать о том ужасе не хочу! Но кое-чему тот

случай, безусловно, меня научил. Например, тому, что полагаться можно только на себя и верить только в себя. Всеми благами в мире заклинаю – не стоит обо мне заботиться, милорд! Без вашей помощи жить как-то проще.

– Прошло почти двадцать лет. Без малого четверть века. Неужели твоя обида на меня так и не утихла?

Ведьма гневно, в упор, посмотрела на собеседника. Тон её оставался легкомысленным, но глаза метали молнии:

– Обида-то, может быть, и утихла – время ведь тот ещё кузнец. Любой металл переплавит в новую форму или расколет в золу, оставив в награду самое ценное – опыт. Но он-то, этот самый опыт, и заставляет меня держаться от подальше от вас, мой дорогой. И выполнять прямо противоположное тому, чего вы от меня хотите.

– Марихат, я никогда не хотел причинять тебе вред...

– Я знаю! Ты не мне зла желал – ты себе благо хотел. Ну, а то, что за мой счёт, так это мелочи, правда? Ладно, Вори-кайн, прошлое мертво, как мертвы облетевшие с дерева листья. Говори, только короче, чего хотел.

– Я веду правительственное войско с намерением раз и навсегда подавить очаг восстания в королевстве. Собираюсь обложить бунтовщиков, как обкладывают волков на охоте флажками – чтобы бежали в одну, нужную мне, сторону. Из этой ловушки у них есть только один выход – через твои болота. Мне нужны гарантии, что ты их не пропустишь.

Она зло рассмеялась:

– Милый, как я могу дать тебе гарантию того, что делать не собираюсь?

Ворикайн сощурился. Лицо его приняло строгое, даже угрожающее, выражение.

– Значит, по-хорошему ты не хочешь?

Ведьма снова улыбнулась. На этот раз в её улыбке было столько сиропы, что в нём могла увязнуть стая мух:

– Жду не дождусь, когда закончатся предисловие и мы приступим, наконец-то, к делу? Когда же от пустых жестов доброй воли ты перейдёшь к старому, как свет, проверенному, отлично зарекомендовавшему себя во всех случаях, шантажу? Мне любопытно, милый, чем ты можешь меня шантажировать?

– Ты права. Мы всего лишь теряем время, а оно дорого даже для тех, кто гипотетически бессмертен. Я правда надеялся избежать этого – всей душой. Но слишком многое поставлено на карту. Нельзя позволить чуме Реставрации поднять голову выше, чем это уже произошло. Я должен обезглавить гидру. А с тобой я добьюсь результата быстрее, чем без тебя.

– Твои мотивы мне понятны, – кивнула Марихат. – Короче!

– Если короче, то твоя дочь вовсе не родилась мёртвой, как тебя в том убедили. Если ты согласишься сотрудничать, я поделюсь с тобой тайной о её местонахождении.

Повисла долгая пауза.

Лорд Ворикан цепко вглядывался в лицо сидящей перед

ним женщины, стараясь подметить малейшее изменение в его выражении. Но ни один мускул на лице Марихат не дрогнул – ведьма осталась беспристрастной.

Или казалась таковой.

– Я всегда это подозревала, – со вздохом откинулась Марихат на спинку кресла, в котором сидела. – Твоё откровение не застало меня врасплох. Интересно другое – почему ты думаешь, что этим заставишь меня сотрудничать?

– Потому что я неплохо тебя знаю.

– Ты неплохо *знал* меня. Но с тех пор много воды утекло.

– Есть вещи, которые не меняются.

– Спорить не буду. Но что может значить ребёнок для таких, как ты и я, Ворикайн? Ребёнок, которого я не воспитывала? Ребёнок, который в любом случае уже вырос и не может нуждаться в матери? К тому же, если этот ребёнок был с тобой, рискну предположить, что тебе он дороже, чем мне?

– Можешь играть сколько угодно, Марихат, но я-то знаю, что как бы не разыгрывала ты тут безразличие, ни одна мать не будет полностью безучастна к судьбе единственного ребёнка.

– Я не безучастна. И не безразлична. Я никогда от моего дитя не отказывалась. Это ты лишил свою дочь матери, – спокойно возразила Марихат, и было видно, что тон её заставлял нервничать лорда, как не силился он сохранить хладнокровие. – Признаться, мне и сейчас было бы интересно пообщаться с ней, несмотря на то, что я представляю, каким

человеком она могла вырасти с твоим-то воспитанием. Слу-
чись ей попросить моей помощи, я бы незамедлительно ока-
зала её. Ей, но не тебе. Ты теряешь хватку, мой дорогой, ес-
ли всерьёз думаешь, будто можешь заставить меня играть по
твоим правилам, разыгрывая эту карту.

– Ты называешь свою дочь – картой?!

Марихат саркастично выгнула бровь:

– Ты решил перевоплотиться в возмущённую невин-
ность? Сам-то хоть понимаешь, как смешон в подобной ро-
ли? Тебе никогда не шёл белый цвет.

– Ты играешь с огнём, Марихат. Я никому не позволю себя
игнорировать – даже тебе. И если ты думаешь, что любовь
к тебе сможет удержать меня от решительных поступков, то
ты ошибаешься.

– С каких это пор подлость, низость, вероломство и преда-
тельство стали называться решительными поступками? Хо-
тя, нужно отдать тебе должное – ты не колеблешься перед
тем, чтобы причинить боль тому, кому ты не безразличен.

– Тебе ли этого не знать?

– Гордишься собой, лорд Молний? – с презрением взгля-
нула на него женщина.

– Есть вещи, за которые приходится платить.

– Ты платишь личным счастьем за чужую власть. Ты очень
мудрый человек. Впрочем, как и любой другой самодурный
сноб, вообразивший себя праведником, радеющим за общее
право. В иные моменты ты выглядишь глупцом, в иные –

смешон, но в общем... в общем тебя бояться. От дураков вообще предпочтительнее держаться подальше.

Ворикайн, сцепив руки за спиной, несколько раз измерил шагами комнату, потом резко остановился и вновь бросил колючий взгляд на Марихат:

– Почему ты противишься? Ты же сама сказала, что вся эта заваруха между новой и старой властью тебе неинтересна? Раз у тебя нет интереса, почему бы не постоять за интересы твоего ребёнка?

– Потому что у моего ребёнка, как и у меня, в этом противостоянии интересов нет.

– Ошибаешься! От твоего решения будет зависеть её будущее!

– К чему мне участвовать в определении будущего для той, в чьём прошлом твоими стараниями для меня не нашлось места?

– Потому что она твоя дочь!

– Для меня это только слова. Не живой человек. Не настоящее чувство. Абстракция. Я не желаю ей зла, но... не позволю тебе шантажировать себя.

– Даже если я пригрожу оторвать девочке голову? – мягким, как шёлк, голосом, проворковал лорд.

– О! Тогда я найду тебя и оторву тебе твою. А ещё лучше оторву её прямо здесь и сейчас, чтобы ты не смог осуществить ни одну из своих угроз.

– Что удерживает тебя от осуществления своих угроз?

– Я пока не верю, что ты способен убить своего ребёнка. Не потому, почему на это неспособны другие отцы. Просто ты никогда и ни за что не станешь расходовать ресурсы в пустую. Ведь дочь, молодая, красивая, возможно, унаследовавшая мои таланты, способна принести тебе определённые бонусы? В мире, в котором ты живёшь, женщины стоят дороже лошадей, так что пускать их под нож такое неразумно.

– Твоя циничность просто неприлична! На грани фола!

– Неужели? – улыбка ведьмы так и сочилась ядом. – Как бы не была я цинична, самое печальное то, что я наверняка не ошиблась. Итак, храбрый мой воин, расскажи мне, какому чудовищу ты намерен продать мою дочь в случае моей крайней неговорчивости?

– Лестеру Литону, одному из первых инкубов в Кавене Кровавых Братьев. Мне придётся сделать это. Если ты не пойдёшь мне навстречу, ты не оставишь мне выбора.

– Так ты лжёшь мне или себе? – устало провела ладонью по глазам Марихат, словно стирая с лица паутины. – Ты жалок, Ворикайн. И даже не понимаешь этого.

– Так каким будет твой ответ?

– Мне нужно подумать.

– Подумать?

– Конечно. Взвесить все за и против, оценить возможные последствия принятого решения.

– Хорошо, – раздражённо кивнул лорд. – Подумай. Я вернусь за ответом через два часа.

Шагнув к двери, он распахнул её пинком.

Сощурившись, ведьма смотрела ему вслед ровно до тех пор, пока дверь за неожиданным и незванным гостем не захлопнулась.

Стоило Ворикайну выйти, вслед ему полетел увесистый графин и, ударившись, разлетелся во все стороны роем острых искр. Несколько секунд Марихат разглядывала, как они блестят с пола, преломляясь в солнечных лучах, потом взмахнула рукой и осколки собрались вместе, завертелись юлой вокруг невидимой оси, срастаясь в единое целое.

Через мгновение ваза снова выглядела нетронутой и, плавно левитируя, встала на прежнее место.

Какое-то время Марихат продолжала неподвижно сидеть в кресле, сжимая пальцами подлокотники, устремляя взгляд перед собой в пустоту.

Тишину, царившую в комнате, ничто не нарушало. Даже тиканья часов не было слышно.

Погружённая в свои мысли, женщина обдумывала план и, судя по выражению её лица, отступать или идти на поводу у своего противника она была не намерена.

Видимо, решив для себя что-то важное, она подошла к стене и провела по её поверхности ладонью. С губ сорвалось змеиное шипение, после чего стена дрогнула и медленно отошла в сторону, открывая потайной проход. Для человеческого глаза в нём царил беспросветный мрак, но глаза

ведьмы засветились люминесцентным светом, как у кошки, и она уверенно ступила босыми ногами на первую каменную ступень лестницы, уходящей вниз.

Марихат с уверенностью двигалась вперёд.

Вскоре вокруг не осталось света, даже узенькая его полоска не проникала через толщу каменных сводов подземелья. Но ведьма продолжала видеть, хотя и не так, как видят люди. Пространство вокруг сделалось ядовито-зелёным. Каждый выступ, ступень, выпуклость подсвечивался этой зеленой изнутри, пока лестница не оборвалась у кромки воды, заливающей подземную пещеру.

Окажись в подземелье обычный человек, он мог бы только догадываться о его размерах. Ориентиром служило зычное эхо, не живущее в маленьких пространствах.

Звук падающих капель воды был выпуклым, зычным и, в то же время глухим, как если бы отражающие поверхности находились далеко друг от друга. Звук звонким мячиком бился то в одну, то в другую стену, дрожа и перекатываясь.

Ведьме темнота не была помехой. Она видела, что вода, лежащая у её ног, была необыкновенной прозрачной. Стоило погрузиться в такую, постороннему глазу ты станешь казаться не плывущим, а парящим в невесомости – зависшим в пустоте.

Марихат без колебаний нырнула в прозрачные глубины. Едва её тело вошло в воду, как она, делая поворот вокруг себя, обернулась змеей – огромной и белой, с роскошным

рисунком на коже.

Рой водяных брызг поднялся в воздух. Эхо усилилось — звук громом прокатился по подземным свободам. Но всё стихло буквально через миг.

Рассекая подводные глубины мощным сильным хвостом, чудовище под водой передвигалось быстро, уверенно, точно зная, куда держит путь. Оно опускалось всё ниже и ниже, двигалось всё быстрее и быстрее, пока не превратилась в белую стрелу, разрезающую чернильную воду и вскоре исчезло в одном месте с тем, чтобы переместиться в другое, где всплыло с такой же невообразимой скоростью, от которой вода вспенивалась, будто на океанском дне зародилось цунами.

Вынырнув, тяжело дыша, из последних сил опираясь на постамент уже человеческими руками, Марихат вползла в подводный мир нагов. Подобно им, в нижней половине тела у неё теперь был длинный, мощный хвост вместо двух стройных человеческих ножек, которыми она ходила по земле.

Волосы оплели заострившее лицо, в глазах светились вертикальные зрачки, да и человеческий нос ещё не полностью успел трансформироваться из змеинового. Словом, приведишь бедняге Фабиану сейчас увидеть свою недавнюю любовницу, он куда бы меньше обольстился её прелестями.

В подземелье, где всплыла Марихат, ярко пылал свет. Источником их служили не привычные людям факелы, а огромные живые кристаллы, излучающие мертвенное голубое све-

чение.

Злое шипение встретило появление Марихат. Перед ней скрестили копья, преграждая дорогу, два нага.

Не говоря ни слова, она сорвала кулон с шеи и протянула его стражникам.

Едва взглянув на выгравированный на кулоне рисунок (две змеи, кружащие в священном танце, поглощающие хвосты друг друга, порождая священный круг), стражники опустили оружие.

– Кто ты? С какой целью прибыла в Змеиный город? – прошипел один из них.

– Я – Марихат Тохико-Венон. Желаю говорить со своим отцом.

Один из стражников кивнул:

– Я доложу Василеску о вашем приходе. Кулон послужит визитной карточкой.

Марихат устало кивнула.

Подтянувшись на руках, она пристроилась на каменной площадке, оставив хвост плескаться в воде.

Наги не любили, когда кто-то из них передвигался как люди. А Марихат так давно не передвигалась, как её сородичи, волоча за собой хвост, что в глубине души сомневалась – получится ли доползти до отцовских пенатов, не утратив достоинства, не вызвав ничьих насмешек.

Впрочем, о насмешках она сейчас беспокоилась меньше всего. Они не видели с отцом больше тридцати лет. Правда,

у её народа ход времени – это не то же самое, что у людей, всё же срок немалый. И расстались они тогда очень плохо. Марихат пребывала в уверенности, что отец жестокий тиран и узурпатор, закоснел в предрассудках, ради которых готов пожертвовать счастьем единственной дочери, о чём не замедлила ему сообщить.

Теперь она понимала, что отец тогда проявил к её выбору мудрость и терпение, которых она не заслужила. А она была откровенно глупа и жестока. И если до сих пор Марихат не пришла на поклон, то виной тому была не гордыня, а стыд. А ещё она считала, что нести с достоинством горькие последствия сделанной ошибки – правильно. Она не прислушалась к мнению близких, пренебрегла ими, предала... чтобы быть преданной тем, ради кого поступила столь низко.

Змея проглотила свой хвост, круг замкнулся.

Все эти годы Марихат спокойно несла своё изгнание, но сегодня речь шла уже не о ней. Каждая новая жизнь племени принадлежала всему роду. А жизнь той, в ком текла древняя, истинно голубая кровь Тохико-Венов, даже смешанная с красной нечистой кровью людей, имела большое значение.

– Царь ожидает, – прозвучало для Марихат как приговор.

Она молча поднялась из воды и двинулась вглубь переходов.

Зелёный малахит и голубой лазурит по-прежнему облицовывали стены. Кое-где в стенах сверкали драгоценные камни-кристаллы, выполняющие роль светильников. Многочис-

ленные аквариумы с драгоценными, красивейшими рыбками стояли на тех же местах, что ей помнилось.

Стоило стражникам у дверей в царские покои ударить тонкими трезубцами в прозрачные плиты, как двери распахнулись.

Волоча за собой роскошный шлейф белого, с золотистыми переливами, хвоста, Марихат вползла в отцовские покои.

Отец принял её в Синем Тронном Зале.

Ничего удивительного в том, что Василеск производил на людей устрашающее впечатление. Он был антропоморфен, но – не более того. Антропоморфен, но не человечен.

Успевшая за годы изгнания привыкнуть к человеческому облику, Марихат ощутила волнение и лёгкий страх при взгляде на бескровное, словно присыпанное мелом, лицо отца. Его кожа сливалась с белыми, как водоросли, волосами и напоминало рыбье брюшко. Глубоко посаженные глаза с янтарной радужкой выглядели точно налитыми кровью. Единственным ярким пятном на белом фоне кожи, почти бесцветных глаз и волос, были ярко-чёрные губы.

Высокие скулы с запавшими под ними щеками, массивный, выпуклый, с выступающими, словно у льва, линиями, лоб, крупный, хищный нос и аура агрессивной властности, окружающая короля нагов, заставляли сомневаться в том, что ты видишь перед собой – что-то до ужаса прекрасное, или уродливое до того, что невозможно остаться равнодушным и пройти мимо?

– Марихат?

От низкого голоса короля нагов воздух словно вибрировал.

– Неужели ты удостоила нас такой чести – лицезреть себя?

Вкрадчивая насмешка, звучащая в голосе отца, не могла обмануть. С годами Марихат слишком часто сама говорила подобным тоном. Чувства, стоящие за такой интонацией, были ей хорошо известны.

– Я не могу просить вашего прощения, отец, – склонила она голову.

Василеск вопросительно приподнял белёсую бровь, и она продолжила:

– Но если бы вы хотели возмездия за ту боль, что когда-то доставила вам ваша непокорная, своевольная дочь, то знайте – я за всё заплатила сполна.

– И меня должно это удовлетворить и порадовать?

Хвост, до этого спокойно обвившийся вокруг высокого трона, на котором сидел Василеск, стремительно развернулся и гневно ударил по плитам.

– По-твоему боль ребёнка способна принести радость родителю?! О! Жизнь ничему тебя не научила. Ты по-прежнему самовлюблённая и наглая девчонка, Марихат. Которую я, к стыду, к моему, слишком сильно баловал и не сумел научить змеиной мудрости. Не трать лишних слов на объяснения. Не трать лишних слов на рассказы о своей жизни. Мне слишком хорошо известно всё и без них. Я был бы плохим

царём, если бы не знал о жизни моих подданных. И был бы плохим отцом, брось на произвол собственное дитя.

– Простите меня, отец!

– Ты же сказала, что не будешь просить прощения?

– Как вы правильно заметили, я слаба. Наверное, всё дело в моих человеческих генах, за которые все так презирали меня...

– Чушь! Никто не посмел бы презирать мою дочь! Даже за человеческие гены. Ты сама презирала себя.

– Возможно, отец. Я не послушалась вас – это было первой моей ошибкой. Я не вернулась к вам, когда всё случилось именно так, как вы и предсказывали – это стало второй. Сегодня я узнала о третьей, заставившей меня немедленно просить помощи.

– Говори, – кивнул Василеск.

И, как в далёком детстве, Марихат окатила тёплая волна осознания того, что как бы не была сильна проблема, есть кто-то, кто сильнее. Кто сумеет всё урегулировать, разрешить и обернуть к лучшему.

– У моей связи были последствия. Я думала, мой ребёнок умер, отец. Все мои магические проверки подтверждали слова Ворикайна и я, оплакав дитя, смирилась. Дети нагов и людей выживают крайне редко. Но сегодня старый любовник пришёл в мой дом и заявил, что дитя всё-таки выжило.

– Ты хочешь отнять у него дочь и вернуть себе? Девочке, судя по моим подсчётам, должно быть около семнадцати? По

людским меркам – почти взрослая. Её отец до сих пор не обращался к тебе за помощью, значит, змея в ней не просыпалась? Если не разбудить, она может никогда этого не сделать.

– Конечно, я хочу вернуть своё дитя себе! Оставшись человеком, она состарится через каких-то жалких тридцать лет и проживёт свою жизнь раньше, чем наши змеёныши станут совершеннолетними! Но если бы дело было только в этом, я не пришла бы сюда за советом. Всё гораздо хуже.

– Дитя моё, – мягко выдохнул Василеск, – пока ничего из того, что я от тебя услышал, я бы не стал подводить под понятие «очень плохо». Всё исправимо. Но я с радостью выслушаю, что так тревожит твою душу.

– Тоже, отец, что встревожит сейчас и твою. Ворикайн задумал в пику мне выдать нашу с ним дочь за инкуба из клана Кровавых Братьев.

Мгновенно сузившиеся в змеиные щелки зрачки Василеска, лучше любой мимической игры отразили впечатление, произведённое данной новостью.

– Наги никогда не будут игрушками для этих кровососов! Я уже не говорю о тех монстрах, что способен породить на свет подобный союз!

– Я думаю так же, отец. Планам Ворикайна необходимо помешать. Он не оставляет мне выбора...

– Выбора между чем и чем?

– Он желает, чтобы я привела к нему принцессу Расию, в противном случае грозитя осуществить свой план. Но, как

мы оба понимает, даже если я выполню его условия, он обманет. Как всегда это делал.

– Ты хочешь от меня какой-то конкретной услуги, дочь?

– Если я спрячу Расею в вашем царстве, тут её не достанут. А вы сможете приобрести на девочку определённое влияние и получить власть не только под водой, но и на земле.

– К чему мне столько власти? – с презрением повёл плечом Василеск. – Я не жалкий людской царёк. У меня есть чувство меры.

– В любом случае маленькой человеческой дурочки будет чему поучиться у вас. А позже мы может использовать её в наших целях.

– В тебе куда больше человеческой крови, дитя моё, чем мне бы хотелось, – с грустью вздохнул царь нагов. – Но, так или иначе, я готов выполнить твою просьбу. Спасать жизни – не отнимать их. Против этого я ничего не имею.

Глава 4

Фабиан был вне себя от ярости, стыда и боли. Если бы здесь и сейчас проклятая ведьма оказалась в его власти, он бы стёр её в порошок! Если бы смог, конечно.

Никогда ещё он не чувствовал себя таким беспомощным и никчёмным. Никогда не был в такой дикой, бессильной ярости. Никогда не приходилось ему переживать полное, фатальное поражение.

В-первых, он поддался на провокацию колдуньи, как глупый мальчишка, не сумев противостоять её чарам. Нет, в вожделении, что проклятая сука в нём вызвала, колдовства не было – в этом он мог поклясться. Но он выставился полным идиотом! Изменил Разии, и, что гораздо хуже, ничего не сумел этим добиться. Коварная баба просто посмеялась над ним. Она его поимела.

Последним штрихом к унижению, приводящему в отчаяние, стало то, что посреди болота Фабиан стоял нагой, как в день рождения. Было в этом что-то, чего не описать словами – будто с него символически содрали кожу. Ведь даже купаясь, он полностью обнажался редко, привычно прикрывая наготу то халатом, то полотенцем, то водой с мыльной пеной.

Не каждый человек умеет носить собственную наготу красиво, с достоинством, как не каждому из нас дано познать себя без прикрас и самообмана. Человек прикрывает чрес-

ла одеждами, истинные помыслы – словами. Оставшись без покровов, он чувствует себя уязвимым.

В сердце Фабиана ярким пламенем полыхали обида и ярость. Холод, острыми иглами вонзившийся в плечи, обнажённый мускулистый живот, съёжившийся от стужи член, лишь жарче распалял его злость, заставляя рычать от отчаяния.

– Придёт время, я тебя уничтожу! Если выберусь отсюда, если выживу – убью тебя, нечестивая тварь!

Земля под обнажённой ступнёй была ледяной. Её липкие пальцы оборачивались вокруг ступни и тянули вниз, заставляя утопать по самую щиколотку в грязной, вонючей жиже.

Вскоре ненависть ушла из сердца молодого человека, уступив место апатии. Ему точно отсюда не выбраться. Он понятия не имел, куда идти, в какой части болота он находится, в каком направлении ему двигаться дальше.

Что ж? Он сделал всё, что смог, но, увы, потерпел поражение. Если он сгинет сейчас в этой вязкой трясине, никто никогда не узнает, что именно произошло между ним и проклятой Морской Ведьмой. О том унижении, через которое она заставила его пройти, играючи похитив его самоуважение. О том, как он был жалок в этот момент. А главное, ему не придётся бессильно смотреть на гибель Разии, не будучи в силах предотвратить печальный финал.

Зубы Фабиана уже начали выбивать звонкую чечётку от холода, ноги и руки теряли чувствительность.

Как странно, что, пребывая в благополучии, ты не понимаешь всю ценность тепла и еды; не осознаёшь весь ужас холода и голода до тех пор, пока не столкнёшься с ними лично.

На мгновение возникло искушение сделать шаг в сторону, в топь, и завершить этот день бесславно, но быстро. Но всё, во что Фабиан привык верить с детства, восставало в нём против подобной трусости. Он давно научился бороться со страхом смерти, но он никогда не делал добровольно и шага ей навстречу.

Словно ободряя подобный образ мыслей, между двумя холмами впереди воссиял свет, а когда погас, на сухом можжевельнике осталась лежать его одежда, сложенная аккуратной стопкой.

Фабиан радостно рванулся вперёд, даже не думая о том, что это может быть ловушкой. На его счастье (как говорил его старший брат – дуракам везёт) никаких препятствий не возникло.

Одежда была чистой и тёплой, словно только что из-под утюга. Но самое главное, рядом лежало его верное оружие: лук, колчан со стрелами, верный меч.

Стоило натянуть стёганку на тело, холод сразу же отступил. Справиться с доспешной курткой и всеми её тесёмками без слуги оказалось не так-то просто, но в итоге нашитые пластины кольчуги легли на боевой камзол как влитые. Вместе с одеждой и оружием к рыцарю вернулся боевой дух. Подняв длинную палку, чтобы пробовать дорогу перед со-

бой, он решительно двинулся вперёд, в надежде отыскать торную тропу и вернуться к своим.

Вскоре земля под ногами почти высохла, да только путь не сделался легче. Чаща выглядела непролазной, вековые деревья закрывали небо, мешая ориентироваться. То и дело то какая-нибудь мокрая ветка норовила хлестнуть по лицу, то широкие корневища, выползая прямо под ноги, мешали идти, оплетаясь вокруг щиколотки. С неба начал моросить дождь, словно в довесок к остальным удовольствиям.

В какой-то момент Фабиан заметил за буреломом заброшенную, едва приметную тропинку. Когда-то, наверное, она была довольно широкая, теперь же, усыпанная прелыми листьями, почти затянулась разросшимися кустами.

«Раз есть тропа, пусть и заброшенная, должна же она куда-то вести?», – предположил Фабиан и уверенно двинулся вперёд, крепко сжимая в руке меч.

Вскоре тропинка вывела его к заброшенному селению.

С неприятным, сосущим чувством под ложечкой, оглядывал молодой человек остовы изб, сруб колодца, покосившийся от времени, треснувший ствол подъёмника-журавля, рядом с почерневшей и рассохшейся ногой которого валялось развалившееся деревянное ведро-кадушка.

Чем-то зловещим, угрожающим, вяло отовсюду.

С трудом удалось подавить желание убраться из покинутого селища как можно дальше и быстрее – можно даже бегом. Останавливало то, что через несколько часов солнце

начнёт клониться к закату, а с наступлением ночи в лесу, как ни крути, опасностей будет больше. Тут хоть стены есть, пусть некоторые из них время и превратило в труху.

Сердце велело бежать, разум настаивал на том, чтобы остаться, переночевать, набраться сил и с утра, с новыми силами, двигаться дальше.

Фабиан решил внять голосу разума. Хватит с него на сегодня решений, принятых сердцем.

Будь он чуть старше, задумался бы о том, что за сила заставила людей покинуть насиженное место? Какая угроза принудила сорваться и уйти прочь от родного дома? Будь он чуть опытнее и старше, вряд ли стал бы искать убежища в таком месте, даже несмотря на чудовищную усталость, всё сильнее наваливающуюся с каждым шагом. Но Фабиан был молод, горяч, самоуверен и расстроен. Он не стал задумываться над очевидным.

Он начал с того, что в надежде найти более или менее уцелевший дом, не спеша обошёл деревню, оглядывая постройки. Взгляд его скользил по колёсам, обросшим побегами травы, по торчащим вверх лошадиным оглоблям. Вокруг царил такая мёртвая тишина, что шуршащий вокруг дождь казался громогласным.

С другого края селения внимание привлекла высокая насыпь. Опасливо приблизившись, Фабиан с холодком в сердце признался себе, что более всего эта насыпь напоминает курган. Но такие насыпи воздвигали лишь над большими моги-

лами, где хоронили множество людей?

Что покосило народ? Хворь? Или нечисть повадилась в дома ходить? Или просто – война? Если война, конечно же – это просто?

Фабиан вошёл в первый же попавшийся дом, над которым худо-бедно держалась кровля. Стоило перешагнуть порог, как его внимание привлекла очередная странность – стена у входа была словно когтями исцарапана. Ну, или кто топором рубил, оставляя глубокие выемки в брёвнах.

Фабиан для сравнения приложил ладонь. Выходило, что если зверь лютовал, то клыки и когти у него длиннее его пальцев. Что это за тварь могла быть такая, даже в голову не приходило.

Когда-то изба, видимо, была богатой. Посредине вон – два больших очага, у очагов – резные широкие половицы, стены прикрыты звериными шкурами. Просторно. Поперечные балки подпирались резными столбиками.

Кое-как прикрыв дверной прогал широкой мебелью, так, чтобы невозможно было пройти, не создав грохота, Фабиан прилёг на одну из уцелевших скамеек, укрывшись сорванной со стены, пусть пыльной, но всё же способной удерживать тепло, шкурой. Ему казалось, что после случившегося он глаз не сомкнёт. Тревожно на душе, болело сердце за Разию, вокруг беспокойно, но молодой организм взял своё – едва голова коснулась лавки, он провалился в сон.

А когда проснулся, увидел, что в открытое окно голубо-

ватой дымкой вливается лунный свет. Сердце заходило от страха, едва не колотясь о рёбра. Казалось, разом волки воют и лисицы твякают.

А дождь по-прежнему дремотно моросил по стенам.

Крадучись подойдя к двери, он выглянул в щёлочку, да тут же отскочил. Мерещилось всякое! Тени какие-то во влажной мгле роились. Из мороси выступали силуэты людей: мужики, бабы с детьми на руках, подростки. Одеты не по времени, в лёгкие одежды, многие босые.

Прислонившись спиной к стене, сжимая в руке меч, Фабиан принялся молиться про себя, призывая светлые силы не оставлять его в такой час.

Из всех звуков слышался лишь шёпот дождя.

В какой-то момент Фабиан уверовал, что опасность миновала, что всему виной лишь его богатое воображение, но, как только он выглянул вновь, сразу пожалел об этом.

От неожиданности Фабиан даже рот раскрыл – в трёх шагах от него стоял огромный, словно тур, волк. Абсолютно белый. В дымчатой глубине глаз светились алые зрачки.

Зверь принюхался, повернул лобастую голову, зыркнул глазами. Его хвост дёрнулся. Волк переступил с ноги на ногу перед тем, как Фабиан понял – зверь смотрит прямо на него. А потом, опустив голову и обнажив в безмолвной угрозе острые зубы, волк начал наступление.

Ругнувшись, Фабиан успел отскочить, в аккурат за мгновение до того, как прыжком огромный волк в один миг рас-

кидал полчаса сооружаемую человеком баррикаду.

Схватив подвернувшуюся под руку рогатину, Фабиан с силой метнул её в хищника, которого про себя нарёк оборотнем.

Широкое лезвие глубоко вошло в грудь. Торчавшее дерево нелепо качнулось.

Белый волк крутанулся, мотнул головой, щеря острые зубы, но при этом не издал ни звука. Он так взглянул на Фабиана, что у того всё внутри похолодело.

А в следующую секунду вновь прыгнул с поразительной быстротой.

Тренированное и молодое тело спасло воина. Фабиан увернулся, но недостаточно скоро – волк зацепил его за бок острыми клыками. Зацепил вскользь, но этого оказалось достаточно, чтобы Фабиан покатился по земле, отплёвывая наливающую на лицо вековую пыль, скопившуюся на полу избы.

Каким-то чудом он, уклонившись и подтянув меч, резанул в ответ по белому волчьему боку. Но, словно не чувствуя ран, огромная махина продолжала нападать.

Вновь подняв меч, Фабиан воткнул его в мощную грудь. Надавил на меч, как на копьё, изо всех своих сил. Чувствуя, как сопротивляется, как туго поддаётся звериная плоть.

Волк не только устоял против очередного удара – он и не думал отступать.

Когда он открыл широкую крокодилью пасть, Фабиан по-

думал, что мир содрогнётся от дикого воя ярости и боли, но... вокруг по-прежнему было тихо. И выглядело это цепенеюще-жутко.

Волк молча со своей стороны давил на меч, глядя в глаза Фабиану кроваво-алыми глазами. Фабиан понимал, что ещё немного и этот нереально-жуткий монстр доберётся до него, достанет, сомкнёт зубы на его шее.

Помощи ждать было неоткуда.

Когда волк оказался совсем рядом, Фабиан с криком ярости и отчаяния, копившихся в нём весь день, рванулся, совершая невероятный прыжок и, увёртываясь, взмыл над волчьей головой. Миг – и он оказался верхом на мистическом хищнике.

Ногами обвивая его шею, затем нанёс два удара, целясь монстру в глаза. Меч раз за разом входил в алые глазницы. Волк, по-прежнему не издавая ни звука, вскинулся на задние лапы, встав на дыбы, словно превращаясь в легкого скакуна. А потом неожиданно рванулся с места, устремляясь в чащу, в болото.

Фабиан не пытался ему препятствовать, распластавшись на мокрой от крови мягкой белой шкуре. Обвив волка ногами, он пригнулся, изо всех сил цепляясь за шею.

Вокруг всё гудело и рвалось. Мелькали слившиеся в единую массу деревья и яркие звёзды.

Этот зверь, кем бы он ни был, был слишком силён для Фабиана. Молодой человек уже чувствовал, как от тряски

слабеет хватка, как скользят руки по мокрой шерсти. Фабиан понимал, что это конец. Что сейчас, вот-вот, неистовый зверь dokonчит начатое.

Всё изменилось в один момент.

Фабиан даже не сразу понял, что произошло, почему его вдруг резко приподняло в воздух и перевернуло вниз головой.

Перед глазами мелькнуло нечто, не менее жуткое, чем волк. Правда, бояться больше уже не получалось – страх попросту кончился. Но огромная змеиная морда величиной с человеческое лицо способна напугать даже героя.

Фабиан понял, что сильный, мускулистый хвост обвивает кольца его тело так плотно, что даже шевельнуться не получается. Миг – и он уже чиркнул ногами по земле. Не удержавшись на ногах, упал лицом во влажный мох болота.

Когда уже, почти ничего не соображая, он поднял голову, увидел, как с нижней ветки вместо змеи спрыгивает смеющаяся женщина.

– Ты?! – процедил он, пытаясь нащупать меч.

Потом грязно выругался, поняв, что верный меч потерян. Как и добрая честь.

Честь досталась змеище, а меч, верно, её подельнику?

– Я, – кивнула ведьма. – Что-то ты не больно рад моему вмешательству? У тебя были другие планы на завершение вечера? Ну, прости, что вмешалась. Мне показалось, вы не ладили с Белым Волком?

– Это ты натравила его на меня?!

– Нет, конечно. С чего бы мне это делать? – невозмутимо пожало плечами невыносимое создание. – Ты сам полез к нему в логово. И если бы не я – он утянул бы тебя в одно из своих нор во мхах на болоте.

– Это не волк, верно ведь? Это оборотень!

– Если честно, не знаю. До сегодняшнего дня я никогда не пересекалась с этой тварью. Не было нужны. Она не переходила мне дорогу – я не трогала её. Мы держали нейтралитет. Так что волк это, морок или оборотень – мне без разницы.

Фабиан стал озиаться, пытаясь понять, куда его занесло со всеми этими чудовищами. Ничего нового для себя не открыл. Болота! Вокруг – бесконечные болота. Всё те же плоские кочки, сухой камыш, голый кустарник и между ними – чёрная жижа.

В боку пекло невыносимо. Он успел забыть, что Клыкастому удалось его зацепить.

Невыносимо пахло жидкостью и болотным торфом. Слабо светилась воспаряющая вверх туманная дымка. За ней выступали остовы деревьев словно восставшие из могилы скелеты. В туманной зыби чудились подозрительные стоны и скрипы.

И сидящая на ветке ведьма, оплетённая белёсыми волосами, словно утопленник водорослями, удивительно вплеталась в общую жуть ночи наваждений.

Фабиан с детства любил сказки обо всём колдовском. И

сейчас воспоминания обо всех этих сказках, с бродячими по воде деревьями, способных разорвать на куски незадачливо-го путника, с утопленниками, ждущих момента утащить живого в царство мокрой тины и неподвижной воды – оно словно поглотило его живьём.

Во главе этих историй всегда стояла она – Морская Ведьма.

Или там упоминался кто-то другой? Может ли быть, чтобы речь шла об этой? Она выглядит юной, прекрасной, пусть и капельку зловещей. Её тело способно подарить мужчине столько радости, что все воображаемые и реальные ужасы не способны заставить об этом позабыть.

Стремясь стряхнуть наваждение, Фабиан потряс головой и спросил, стараясь, чтобы голос звучал как можно грубее. Пусть проклятая ведьма и думать не смеет о том, что способна околдовать его! Красотой своей околдовать. Или страхом.

– Зачем явилась? Позлорадствовать? Не наигралась ещё, колдовка?

– Ну, в случае с тобой я, признаю, немного перегнула палку. Прости, сложно было удержаться. Ты весь такой хорошенький, чистенький, вкусный, – ведьма плотоядно облизнулась перед тем, как расхохотаться.

– Ладно, смейся, коль пришла охота. А мне пора.

– Куда же это? В ближайшую трясину? Я бы на твоём месте на наступала туда, куда ты собрался – там топь. И вообще, во мраке тебе отсюда живым ни за что не выбраться, маль-

чик, — повела она плечами. — Без меня.

— На всё воля божья.

— Так уж и воля божья? Скажи уж лучше — упрямство мужское, перед которым любой осёл выглядит сговорчивым ягнёнком.

— Я уже заключил с тобой договор! Все закончилось неважно. Дважды я на одно и тоже не покупаюсь.

Ведьма снова пожала плечами:

— Никак не научусь я понимать людей. Ты тот спор, что проспорил мне уговором зовёшь? Ладно, не злись. Я из трясины тебя просто так вытащу, без всяких условий. Ну, ладно! Может, и не просто так. На досуге тут немного подумала и решила, что погорячилась, столь быстро с тобой попрощавшись. Какое-то время мы может сотрудничать к взаимному удовольствию. Но обсуждать это здесь, на болоте, не очень приятно. Так что...

Последнее, что увидел Фабиан перед тем, как потерять сознание, яркую вспышку белого света. А потом почувствовал, что тонет.

Глава 5

Не успев переступить порог дома Марихат ощутила постороннее присутствие. Интуиция не обманула – подняв глаза, она встретилась взглядом с Ворикайном. Судя по тому, что на нём не было верхней одежды, он успел, похоже, неплохо обжиться в её отсутствие.

Взгляд невольно цеплялся за его широченные плечи. Стройное, натренированное тело воина хорошо угадывалось под белой рубашкой. Бриллианты в сереге красиво переливались, игриво подмигивая всякий раз, стоило им поймать отблеск света.

– Ты велела прийти через два часа, – прошелестел голос, тихий, как шорох листьев, гонимых ветром. – Я дожидаюсь тебе приблизительно столько же, если не вдвое больше. Вижу, ты нашла себе ещё одного... гостя?

Марихат поморщилась и, на скорую руку сплетя заклинание, отправила Фабиана, всё ещё пребывающего в глубоком обмороке, на ближайшую софу. Несмотря на то, что тащить парня приходилось не руками, перемещение всё равно изрядно выматывало.

– Кто это? – вопрос звучал так, словно Ворикайн не сомневался в своём праве его задавать.

Марихат уже убеждений не разделяла.

– Правда думаешь получить от меня полный отчёт, доро-

гой? Извини, но у меня нет желания делиться с тобой подробностями моих вечерних прогулок.

– Что же так? – с издёвкой протянул Ворикайн, делая несколько шагов к Марихат.

– Вот так, как есть, – с равнодушием, проистекающим скорее от усталости, чем от чего-либо другого, отозвалась она, подходя к графину и наливая себе полный стакан воды.

– Признаться, ты меня удивляешь. Я предполагал найти тебя в глубоких раздумьях и расстроенных чувствах. Вместо этого ты тащишь в свою змеиную берлогу очередного молодого красавца?

– И что тебя удивляет? Отличный способ утешиться, – отсалютовала ведьма опустевшим стаканом. – Рекомендую.

– Красавца? – саркастично выгнул изящную белёсую бровь Ворикайн, отрицательно помотав головой. – Это вряд ли. Даже ради тебя.

– Ты со мной флиртуешь? – холодно поинтересовалась Марихат у противника.

– Почему нет?

– предав меня всеми возможными способами ты считаешь это нормальной линией поведения?

– За столько лет твоя обида должна была бы угаснуть.

– Ты недавно подбросил дров в угасающий костёр, пытаясь шантажировать меня моей дочерью. И я не назвала бы мои чувства к тебе «обидой». Но если ты предпочитаешь придерживаться данной терминологии, будь, по-твоему.

Считай, что я всё ещё обижена.

– Ты можешь мне не верить, но я вынужден был тогда оставить тебя. Для твоего же блага.

– У нас с тобой разные понятия о благах, смертный. Как по мне, так бросить умирающую после родов женщину одну, без средств к существованию, оставив её среди врагов, когда по пятам за ней движется когорта Святого Ордена, желающих отправить её на костёр – это не благо, а зло. Хотя ты действовал вполне логично. Ты сбросил меня как балласт, чтобы спасти самое ценное, что у тебя было на тот момент – себя любимого. И, конечно же, любящая тебя всем сердцем, я должна была это принять, понять и простить. Именно этому вы учите своих земных женщин? Безропотно нести свою ношу и не мешать мужчинам наслаждаться жизнью. Умирать за любовь, чтобы выживал любимый.

– Я знал, что ты выживешь. Знал, что вырвешься. Забрав у тебя ребёнка, я развязал тебе руки.

– Хватит! – резко оборвала его Марихат. – Ты ничего не сумеешь достичь очередной ложью, лорд Молний. Разве, разозлишь меня сильнее? Кстати, почему ты так без опасливо приходишь ко мне?

– При всех моих недостатках, признай, я никогда не был трусом?

Подойдя, он остановился за её спиной.

Марихат чувствовала его присутствие всей кожей. И ей это совсем не нравилось.

– Ты мать моего единственного ребёнка, Марихат. Если бы ты только видела нашу дочь! У нас получаются красивые дети. Я часто спрашивал, каким бы был сын?

– Он был бы тем, кого вы так боитесь и презираете – нагом.

– Твоя дочь – человек.

– Не обманывайся. Она просто слишком юна. Змея в ней ещё спит. Ты и сам это отлично знаешь, иначе не пытался бы спрятать её среди Кровавой Гильдии. И как смеешь ты упрекать меня в том, что я не знаю своё дитя? Ты! Лишивший мою дочь её матери!

– А что мне оставалось делать?! Ты забрала бы её у меня! И отвела бы к своим!

– Конечно! Потому что она – наг. Нравится тебе или нет, она наг. Признай это, двуличное чудовище!

Ворикайн поморщился, обходя стол.

Теперь стол стоял между ними, как барьер, как линия разграничения.

– Ладно, – кивнул мужчина. – О прошлом нам уже не договориться. Можешь не прощать меня, если хочешь. Но предубеждение не должно замутить твой разум и помешать сделать правильный выбор в будущем.

– Это какой же выбор? – с вкрадчивостью настоящей змеи протянула Марихат.

– Реставрация старой власти уничтожит слишком много людей, разбередит и без того едва затянувшиеся раны. Про-

славленная дочка не может быть лучше своего бесхребетного слабака-отца. Наверняка она такое же жалкое ничтожество, как и всё племя Ромэсингов. И, хотя против неё, как человека, я не имею ничего, ты же понимаешь, Марихат, что этот плевел нужно вырвать безжалостной рукой, чтобы могли расти другие здоровые посевы?

Марихат ответить не успела. Бедолага-страдалец Фабиан не нашёл лучшего времени, чтобы прийти в себя. Подняв ресницы он во все глаза уставился на герцога Молний.

Марихат прикидывала про себя, сколько счастливых шансов на то, что молодой барон не в курсе, кто делит с ним гостеприимство под её крышей? По всему выходило – мало.

Молодой и горячий, пусть и раненый, он подскочил, как пружинной с софы подброшенный, озираясь по сторонам, видимо, в поисках оружия, которым можно было бы воспользоваться.

– Я знал, проклятая ведьма, что тебе нельзя доверять! – заорал юноша.

Марихат только и осталось пожать плечами. Кто тут говорит о доверии?

– Так-так-так! – заинтересовался Ворикайн, видимо, прикидывая про себя мысленно, кем мог быть этот молодой жеребчик и, скорее всего, приходя к правильным выводам.

– Я убью тебя, зверь! – продолжал бушевать Фабиан.

Ворикайна угроза не впечатлила.

– Я пытаюсь понять, в чём тут глубокий смысл, Марихат?

Хочешь заставить меня ревновать к этому? – лорд окинул мальчишку оценивающим взглядом.

– Нет. На мальчишку напал волк и, кажется, порезал его. Оказывать помощь проще здесь, чем на болоте, – постаралась она пустить его мысли в нужном ей направлении.

Марихат от всего сердца надеялась, что молоденький дурачок поймёт намёк и закроет рот. Просто закроет рот – большего-то от него не требовалось. Но её надежды редко осуществлялись.

– В этом мире невозможно утаить правду или солнце. А Разие – она как свет во тьме! – возвестил Фабиан голосом пророка. – Все ваши интриги пойдут прахом! Она взойдёт над страной, как рассвет, наполняя мир вокруг себя счастьем.

– Очень поэтично, – перебил полёт крылатых фантазий Ворикайн. – Обожаю дураков. Они всегда меня забавляют.

Когда Лорд Молний повернулся в сторону Марихат, голос его больше не тянулся ровным шёлком, он сделался шероховатым, как наждак.

– Зато, когда из меня пытаются сделать глупца, меня это не забавляет ни капельки. Ты действительно думала, будто я поверю, что после нашего разговора ты, *случайно* прогуливаясь по болоту, *случайно* притащила сюда этого красивого балванчика?

– Ты прав. Я встретила эту красоту лесную не случайно, а преднамеренно. Легче после моего признания тебе стало?

– Нет, – скрестил руки на груди Ворикайн, поигрывая выпуклыми мышцами на груди. – Хотелось бы пояснений.

– Что же тут непонятного? – вновь вставил свою реплику в чужой разговор господин Фабиан. – Она просто предательница!

Не найдя меча, горячий юноша схватил стол и, с усилием подняв его, зашвырнул в противника. Уклониться в сторону от громоздкого снаряда не представляло никакой сложности, что Ворикайн и сделал, лениво проследив за тем, как туалетный столик разлетелся на фрагменты, ударившись в дверной косяк.

– Она обманула меня!

– Это как же? – лениво приподнял бровь лорд.

– О! Самым коварным образом, – решила поучаствовать в общем цирке Марихат. – Обольстила и выбросила, отказавшись спасти его принцессу.

– Так ты отказалась? – с надеждой оживился Ворикайн.

– Ну, да, – кивнула ведьма. – Правда, это было до того, как ты заявился в мой дом со всеми своими ультиматумами. Как тебе хорошо известно, последние я не терплю. Так что... я передумала и поменяла решение.

Фабиан от неожиданности замер с открытым ртом.

– Что это значит, миледи?..

– Я? Миледи? Это вряд ли. А значит это, что я спрятала вашу драгоценную принцессу в том месте, в котором ни один из вас её не достанет.

Ворикайн привычно сощурил глаза:

– Значит, по-хорошему договориться не получилось? Жаль.

– Да, ладно! – с деланным легкомыслием отмахнулась Марихат. – В глубине сердца ты ни на что другое и не рассчитывал. К тому же ты повторяешься...

– Очень даже рассчитывал! Я надеялся, что судьба нашей дочери тебе не столь безразлична, как это, по-видимому, есть на самом деле!

– Я придумаю что-нибудь на счёт «судьбы нашей дочери». Не беспокойся.

– Да зачем тебе эта проклятая принцесса?! – взорвался Ворикайн, больше не стараясь сдерживать себя.

– Затем же, зачем тебе – твой король. Я повзрослела в достаточной степени, чтобы находить игру во власть увлекательной. А принцесса – значимая фигура на шахматной доске. Почему бы её не подвигать?

Фабиан, взглянув на Ворикайна, торжествующе рассмеялся.

– Вот идиот, – процедил сквозь зубы Ворикайн, явно с трудом удерживаясь от того, чтобы не закатить глаза.

А затем вновь развернулся к Марихат:

– Ты это серьёзно? Тебя же никогда не привлекала не власть, ни интриги? Признайся, ты ввязываешься во всё это с единственной целью – чтобы отомстить мне?

– Если я признаюсь, тебе будет легче пережить своё пора-

жение в этой партии? Изволь. Я действительно хочу свести старые счёты между тобой и мной. Ну, и развлечься самой малостью. А заодно и спасти невинную жизнь. Но это уж как получится.

– Отлично! У тебя есть свой козырь – у меня свой. Посмотрим, кто из нас пожалеет об объявленной войне первым!

– Это будешь ты, Ворикайн. Ты пожалеешь об этом перед смертью, которая благодаря твоему выбору наступит гораздо быстрее, чем могла бы. Ведь, как известно, союз с бессмертными продлевает смертную жизнь. Благодаря мне ты умрёшь там же, где и начал свою жизнь до нашей встречи – в жалкой лачуге, в какой мы когда-то встретились.

Взгляды Марихат и Ворикайна скрестились.

Мужчина и женщина с обжигающей, ледяной ненавистью смотрели друг другу в глаза.

Ворикайн отвёл глаза первым. Резко отвернувшись, лихо подцепив плащ с пола, он стремительным шагом направился к дверям. Полуобернувшись на пороге, резким жестом вскинул руку и в воздух взвились острые, как бритва, вращающиеся сюрикены.

Чего-то похожего Марихат от бывшего любовника ожидала с самого начала. Ленивым движением, без усилий, она выставила защиту. Смертельное оружие зависло в воздухе на несколько коротких секунд. А потом сюрикены вернулись обратно, врезаясь в стены рядом со своим хозяином.

– Зря ты так, дорогой, – покачала головой ведьма.

– Ты пожалеешь, что отвергла моё предложение о перемирии.

– Уверена, что этого не произойдёт.

Дверь перед Ворикайном широко распахнулась. За ней сверкали яркие звёзды и пел океан.

– Я больше тебя не задерживаю, мой дорогой, – мягко пропела Морская Ведьма. – Прощай.

Не оглядываясь, лорд Молний вышел. Вместе с ним словно вышла вся энергия. В комнате сделалось много спокойней, но – скучно. Усталость накатила как-то сразу, душа опустела. Марихат устало опустилась на софу, вытягивая перед собой гудящие от долгой ходьбы ноги.

Не удержавшись, она бросила на Фабиана раздражённый взгляд:

– Скажи, обязательно было вмешиваться и заявлять о своём мнении, очень ценном для других? – в голосе её звучали ворчливые нотки не без тени сарказма.

– Ты правда помогла Разии? – молодой человек напомнил Марихат молодого щенка.

– Ты даже не представляешь, как ты надоел мне со своей Разией! – рыкнула она в ответ.

– Я просто хотел поблагодарить...

– Засунь свою благодарность туда, где ей место! – глаза Марихат сделались похожими на утренний лёд. – Благодарность уместна в случае, когда некто делает для тебя что-то хорошее. Я же в своих действиях меньше всего руководствуюсь

валась благом кого-то из вас.

– Мне кажется, на самом деле вы гораздо лучшее, чем желаете казаться, – покачал головой Фабиан.

– Что там тебе кажется – это твои проблемы. Я и без того трачу на то, чтобы объяснить тебе очевидные вещи, слишком много времени. Но делаю это вовсе не по доброте душевной. Видишь ли, мальчик, ты храбрый, симпатичный, верный – в общем милый. Но впереди у нас с тобой долгий путь, полный опасностей. И если ты не включишь мозг, одной опасности для тебя может быть больше – не выдержав твоей глупости, я могу сама тебя прибить! А ты мне нужен живым. Пока.

– Для чего? – похлопал он пушистыми ресницами. – Для чего я нужен вам?

Марихат снисходительно взглянула на свою новую игрушку.

– Разумный вопрос, внушающий маленькую надежду на то, что иногда ты способен мыслить. Видишь ли, если я до срока появлюсь в обители Кровавого Братства, моим планам не суждено будет осуществиться. А моя магия не позволит пробраться незамеченной. Ты же человек, совершенно лишённый магии...

– Хочешь, чтобы я пошёл за тобой в это преддверие ада?

– Хочу. И мы сейчас пропустим ту часть, где ты, экзальтированно заламывая руки, начнёшь красочно ругать демонов. Я признаю право людей на ненависть к этим существам, потому что последние, не стесняясь, питаются вами. Но всё

же меньше пафоса – здоровее нервы.

– Кровавые Братья – чудовища!

– Для мышки и кошка – монстр. Жизнь несправедлива, особенно в том, что касается пищевой цепочки. Минутой назад вкусно отобедав, в следующее мгновение можешь, в свой черёд, стать чьей-то закуской. В мире свиней человек – царь природы, в мире демонов – деликатес. Такова жизнь. Тот, кто тебя сожрёт, не обязательно злодей – он просто голоден.

– Ущербная философия, лишённая гуманизма!

– Расскажи это молочному поросёнку, которым не побрезгуешь закусить в следующий раз. Ладно, хватит уже о кулинарии. Давай лучше обсудим вопрос, зачем мы туда пойдём? Мне нужно будет найти и вытащить одну девушку...

– Ты правда веришь, что я смогу справиться с демонами?

– О, добрые духи! Дайте терпения! Конечно, нет! Тебе не нужно будет ни с кем справляться. Если только ты не войдёшь в их города и не станешь кричать в рупор о том, что думаешь о демонах. Ты, по-тихому, мышкой, прошмыгнёшь по тенёчку из пункта «А» в пункт «Б». Твоего появления никто и не заметит. Без обид, но люди не такие уж примечательные, когда делают своё дело молча. Твоя задача отыскать девушку и привести ко мне. Всё!

– А если... если я откажусь? – неуверенно, запинаясь, проговорил Фабиан.

– Совсем дурак?! – выходя из терпения, зашипела ведьма. – Я тебе не предложение делаю – я тебе ставлю ульти-

матум. Попробуешь сопротивляться – лично откушу твоей любезной Разии голову и выплуну тебе под ноги! Хотя, нет, постой... возможно, сначала отдам Ворикайну и его парням. Пусть развлекутся.

– Ты так не сделаешь!

– Нет. Не сделаю. У меня на принцессу большие. Пожалуй, лучше откушу голову сразу тебе.

Фабиан кивнул. Видимо, всё понял. Осознал и передумал.

– Жизнь одной девушки на жизнь другой – обмен равноценным. Услуга за услугу. Мы в равных условиях. Но тебе бы лучше уважать меня, ведьма.

Несколько коротких секунд Марихат с удивлением смотрела на Фабиана, а потом, откинув голову, снова расхохоталась.

Молодой человек в изумлении смотрел на неё, хмурясь, в попытке сообразить, что значит для него этот жизнерадостный, но недобрый смех.

– Ты всё-таки меня уморишь! – отсмеявшись, смахнула с глаз набежавшие от хохота слёзы, Марихат. – Вы, люди жалкие червячки. Но смешные.

Улыбка сошла с её лица. Оно вновь заострилось, принимая угрожающее выражение:

– Если посмеешь перечить мне, глупец, я убью тебя. А потом найду другого смертного идиота, что будет рад служить мне за какую-нибудь ничего не значащую погремушку, представляющуюся его воображению чем-то стоящим. Ты все-

го лишь пешка, а пешки взаимозаменяемы. Не забывай об этом.

– Если я пешка, зачем было возвращаться на болото и спасать меня? – с плохо скрытой обидой в голосе протянул Фабиан.

– Жаль тебя разочаровывать, но и тут дело было вовсе не в тебе, мой сладкий пупсик. Пока я блуждала по болотам, наш общий враг Ворикайн был вынужден меня дожидаться. А пока он меня дожидался, мои друзья, о которых вы оба мало что знаете, похитили твою драгоценную принцессу и спрятали так, что Ворикайн со своей бандой ренегатов-магов найти её уже не сумеет. Так что ты был ширмой, моя прелесть. Но в этой бочке с дёгтем есть ложечка утешительного мёда – всё это послужило во благо твоей принцессе.

– Во благо? Где гарантия, что завтра ты и твои люди не прикончат её?

– Где гарантия, что завтра ты не поймаешь стрелу или заразу? Но всё что будет завтра – будет завтра. Сегодня же ты жив? Для людей значение имеет каждая минутка в этом мире, не так ли? А моё вмешательство, пусть оно и произведено в эгоистичных целях, послужило на пользу твоей царевне-королевне.

– И всё же...

Марихат лёгким движением руки погрузила болтливого гостя в сон.

– Прости, малыш, тебе нужно набраться сил перед даль-

ней дорогой. А мне – отдохнуть от тебя. А то так с непри-
вычки и с ума сойти можно.

Подвластной магической силе, Фабиан погрузился в сон.

Марихат, мягко ступая, присела на край софы, на которую
переместила гостя и осторожно приподняв край его рубахи,
взглянула на место, куда нанёс ранение волк.

На коже не было даже рубца.

Тяжело вздохнув, ведьма поднялась и отступила в тень.

Глава 6

– Хватит спать, лежебока! Солнце давно взошло. Пора действовать.

Фабиан, подавляя стон, кое-как продрал глаза. Чувствовал он себя отвратительно, словно его накануне переехал экипаж или лягнула в грудь лошадь. Голова горела, в горле пекло, тело ломило как в лихорадке. Всё, случившееся накануне, вспоминалось как в тумане: визит к ведьме, блуждание в болоте, встреча с белым волком. А потом ещё не менее странное возвращение в дом Морской ведьмы, встреча с лордом Молний, странный разговор с колдуньей.

Одно он помнил точно – предполагалось путешествие в демонические земли Кровавого Братства. Так называлась территория, принадлежащая вампирам, оборотням, нагам и прочим нечестивым, демоническим тварям. Из хороших новостей – ведьма обещала свою защиту. Плохим было всё остальное.

– Вставай уже! Так всю свою жизнь проспичь! – снова позвал мелодичный голос.

Фабиан покорно попытался оторвать голову от подушки, но потерпел поражение. Голова оказалась слишком тяжёлой.

Со стоном он сдался:

– Боюсь, быстро действовать у меня сегодня не получится.

Под пристальным, тяжёлым взглядом ведьмы он почув-

ствовал себя смущённым.

Как-то так каждый раз получалось, что он выказывал себя перед ней слабаком? Паз за разом. И несмотря на её внешнюю девичью хрупкость он чувствовал себя рядом с ней не воином и защитником, а добычей, попавшей с уверенные, жестокие лапы льва.

– Я понимаю, что медлить нельзя. Обещаю собраться. Вот только... ещё немного полежу... и встану.

Отчего так паршиво? Воспоминание о том, как зубы Белого Волка вспороли бок, заставил холодный пот выступить на лбу. Фабиан с волнением пробежался пальцами по телу – в том месте, где он ожидал встретить рану была ровная и гладкая кожа, без малейшего намёка на рубец или хотя бы царапину.

– Что за?.. – выругался он.

В надежде на то, что ошибся, снова прижал руку сначала к одному боку, потом – к другому. В отчаянии приподнявшись на локтях, посмотрел на живот – гладко, как на барабане.

– Этого не может быть! – потрясённо выдохнул он перед тем, как снова в отчаянии и изнеможении рухнуть на подушки. – Этого просто не может быть!

Он с надеждой взглянул на ведьму, но её лицо казалось высеченной из белого алебастра маской – спокойное, равнодушное и отрешённое.

– В глубине души ты ведь знал, что у твоих вчерашних приключений будут последствия? Волк был слишком необы-

чен, чтобы встреча с ним не принесла печальных результатов. И ты не мог этого не осознавать. Ты знал.

– Знал – что?! Что стану чудовищем?! Ну, нет! Этому не бывать! Я найду способ решить эту проблему!

– Самоубийство? – невозмутимо откликнулась ведьма. – По-твоему, это выход?

– Это будет не самоубийство, а жертва. Или я умру однажды, либо каждое полнолуние умрёт кто-то ещё! Ну, нет! Я не стану монстром! Ни за что! Никогда!

– Никто не любит перемен, и всё же все к ним приспосабливаются. И даже со временем учатся извлекать выгоду. Это не так сложно, если подойти к делу правильно и с умом.

– Какую выгоду можно извлечь из одержимости? – с сарказмом в голове поинтересовался Фабиан.

– Ну... оборотни сильнее и выносливее обычных людей. Их труднее убить. Разве это не выгода?

– Оборотни – звери, а звери убивают! Я не хочу стать кровожадным монстром. Я никогда, ни за что...

– Да, ты это уже говорил, а я – слышала. Откровенно говоря, я бы тоже предпочла избежать проблем, но спорить со свершившимся фактом бесполезно. Ты заражён, в твоём организме вирус уже перестраивает клетки на генном уровне.

– На генном – чего?! – широко распахнул глаза Фабиан. – Какие ещё клетки? О чём ты?

– Долго объяснять. Давай просто примешь мои слова на веру?

– С чего бы мне верить тебе?

– А с чего бы нет?

Фабиан обиженно надулся:

– Какая польза тебе может быть от того, кто в любой момент может впиться зубами в твоё горло?

– До моего горла нелегко добраться, я умею за себя постоять. Во-вторых, ликантропия не приговор. При определённых усилиях из врага можно сделать друга, а проклятие превратить в дар.

– Это неправда.

– Правда, – стояла на своём ведьма. – Ты должен подчинить зверя себя, научиться разумом контролировать инстинкты, а не подчиняться им.

– Если бы было всё так просто!

– В этом всё проблема твоего народа, Фабиан. Вы ищете то, что просто, вместо того, чтобы искать того, что правильно.

– Мне не нужны нотации! Особенно от змеи!

– Как предсказуемо и как глупо. Сидеть и дуться на обстоятельства, на окружающих людей, на несправедливую судьбу, вместо того, чтобы попытаться справиться с самим собой. Ладно, мальчик. Я готова оказать помощь лишь тем, кто готов помогать себе сам. Выберешь лёгкий путь, верёвка вон там. Крючок наколдован над дверью. Больше не стану утруждать нас обоих нотациями.

Марихат порядком устала от человеческого детёныша.

Люди вообще надоедливы, а этот, вдобавок, поглупее некоторых. Хотя последний факт ей только на руку – им будет легче управлять. Досадным фактом является его обращение в оборотня. На территории Красного Ковена любая сверхъестественная активность фиксируется Стражниками-Магами ещё на подходе к Цитадели. Весь план держался на том, что Фабиан обычный человек. Нужно поторопиться. До первого обращения время ещё есть, а с ним и шанс проскочить.

План Марихат был прост. Впустить Фабиана внутрь Цитадели, заставить отследить возможные перемещения её дочери, а там – разобраться на местности. Она редко составляла тщательно выверенные стратегические планы, предпочитая доверять интуиции и импровизировать. Тактика так себе – пятьдесят на пятьдесят. Иногда оправдывает себя, иногда подводит.

Но в любом случае времени сейчас на то, чтобы разведывать обстановку, тщательно выверяя шаги, нет.

Марихат признавала, что была импульсивна и это часто играло против неё. Следовало хоть что-то узнать до того, как она демонстративно указала Ворикайну на дверь. Например, имя дочери и то, как далеко зашёл его договор с инкубом. Да и существует ли он вообще?

Что ж? Придётся тащиться в человеческий город и отыскать способ проникнуть во Дворец бывшего любовника.

Марихат не любила покидать морское побережье. Бли-

зость моря всегда придавала ей силы. Но ради единственного ребёнка чего не сделаешь?

Какое-то время ведьма пристально вглядывалась в собственное отражение. Потом прошипела заклинание. Лицо её стало меняться. Через несколько минут вместо хрупкой блондинки с точёными чертами лица в зеркало гляделась высокая, яркая барышня южного типа, с грудью никак не меньше третьего размера, крутыми бёдрами и копной чёрных, мелко вьющихся волос. Изящное платье сменилось на костюм горожанки, серый, ничем не примечательный, в котором легко затеряться в толпе.

Оставшись довольна изменениями, Марихат провела рукой по поверхности зеркала. Картинка в нём вновь изменилась. Вместо комнаты зеркало отражало целый город, с яркими позолоченными башенками храмов, белыми аккуратными домиками, обнесёнными цветочными клумбами. По мощённым мостовыми неслись похожие на изящные шкатулки экипажи. Улочки заполнили снующие туда и сюда жители, издалека походящие на муравьёв в муравейнике.

– Дом лорда Молний, – произнесла Марихат и картинка, транслируемая зеркалом, вновь сменилась.

Теперь перед ведьмой встал красивый, просторный особняк, скорее даже – дворец, окружённый просторным парком.

Глубоко вздохнув, будто собираясь нырнуть в холодную воду, Марихат шагнула через рамку зеркала, превращённого ею в портал, прямо на мостовые города, на площадь, пол-

ную людей, и сразу же окунулась в океан странных звуков и незнакомых запахов, от которых закружилась голова.

Марихат терпеть не могла находиться среди большого скопления людей. Ей во всём чудилась угроза. Как ни слабы были людишки поодиночке, сбиваясь в стаи, они становились сильнее и, как следствие, опаснее. Толпа непредсказуема и трудноуправляема. В толпе подчас невозможно предугадать развитие событий.

Лай собак, стук колёс, лошадиных копыт, резкие голоса торговков – от всего этого она чувствовала себя дезориентированной. Улицы, напоминали узкую реку, пробившую себе путь между массивными, тяжёлыми каменными домами. Стены нависали со всех сторон, оставляя для взгляда свободным лишь небольшой клочок неба вверху над головой.

Город походил на темницу. Как люди умудряются в нём жить?

Стараясь побыстрее выбраться из этих рукотворных сот, Марихат подошла к высокому дворцу, занимающему главное место на центральной площади, вымощенной чистыми гранитными плитами. Кое-где тут возвышались редкие купы деревьев. Даже пара-тройка цветников была! По людским меркам, наверное, красивое место?

Дворец лорда Молний прятался за высокой кованой оградой.

У входа сторожила стража, но для Марихат они не были помехой – пара секунд и стражники сами распахнули перед

ней створки ворот, околдованные её змеиным взглядом.

Колдовской взор нагов, при их на то желании, оказывал на людей тот же эффектом, что взгляд кобры на кролика. С той лишь разницей, что внушал ни животный страх, а то, что обладатель пожелает.

Марихат желала пройти невидимкой. Так и случилось. Стражники пропустили её во дворец, сами не сознавая и не помня того.

Заперев ворота за незваной гостьей, солдаты тут же обо всём забыли, будто никогда и не видели. Маги, конечно, сумеют вытащить из их памяти этот маленький инцидент, но к тому времени для Морской ведьмы это уже не будет иметь никакого значения.

Обстановка внутри здания показалась Марихат скучной: белые стены лишь кое где украшали гобелены либо мозаика. Ни ковров, ни штор на узких окнах, больше напоминавших бойницы.

– Нерина! – услышав она чей-то голос и быстро набросила на себя чары невидимости.

Марихат едва не вскрикнула от неожиданности, когда из-за угла коридора ей навстречу выдвинулась статная женская фигура – та самая, облик которой она приняла перед тем, как явиться сюда. Правда женщина, чей облик она скопировала, в оригинале теперь выглядела на лет на двадцать старше. Пора женского цветения осталась для неё далеко позади. Талия и бёдра с возрастом успели раздаться, чего не мог

скрыть даже корсет. Хотя грудь и плечи ценители женской красоты ещё могли найти привлекательными, но, к прискорбию, у большинства красивых человеческих женщин прежде всего стареет именно лицо. И лицо бывшей служанки, подруги и предательницы по совместительству, не составило счастливого исключения.

Глядя на оплывшие, отяжелевшие черты, на наметившиеся брыли и наплывшие мешки под глазами, Марихат испытывала двоякие чувства – удовлетворение и сожаление, острое, почти до боли: стареющие друзья и враги, особенно после того, как с минувшей разлуки протекли долгие годы, слишком ярко свидетельствуют о пролетевшем времени и о том, что прошлое невосвратимо.

– Нерина!

Женщина прошла так близко, что подол её платья скользнул по ногам бывшей госпожи, только она этого не заметила.

С раздражением толкнув дверь, женщина вошла в комнату, из которой раздавался звонкий девичий голосок:

– Нерина, ты не слышала, что я зову тебя?

Шмыгнув за Фиделией (так звали бывшую служанку) Марихат вошла в комнату, стараясь унять невольно забившиеся сердце.

Девушка с книгой на коленях сидела у окна. Врывающийся в распахнутые створки ветерок шаловливо играл с белокурыми волосами, обрамляющими совсем юное личико.

«Хорошенькая», – это единственное, что пока Марихат

могла сказать о дочери.

С первого взгляда никак не определить, на кого девушка похожа больше – на неё саму или на ненавистного теперь любовника.

– Слышала, – без особых эмоций отозвалась девушка.

«Уж не обижала ли эта жаба мою дочь?», – ревностно подумала Марихат.

– Что ж не отвечала? – с тенью недовольства, всё же прикрытого улыбкой, спросила Фиделия, прислоняясь плечом к стене и скрещивая руки под пышной грудью.

Девушка глубоко вздохнула и отвернулась к окну.

– Что-то случилось? Почему ты грустишь?

Голос Фиделии был мягок. На лице отражалось участие и желание понять, что с девочкой?

– У меня никогда не будет мужа, – капризно протянула Нерина.

Голос её был полон фальшивой, явно рассчитанной на демонстрацию, скорби.

– Мой отец уехал далеко! Он полон забот о ком угодно, только не о родной дочери! Он всё время обещает организовать для меня свадьбу, но дальше слов дело не заходит.

– Он обязательно сдержит данное тебе слово, – подойдя ближе к воспитаннице, проронила дуэнья.

Явно для неё было уже привычным вести подобного рода разговоры.

– Когда? – передёрнула плечами молоденькая вертихвост-

ка. – Чего он ждёт?! У всех моих подруг уже есть просватанные женихи. А что со мной не так? Может, я слишком уродлива? Слишком проста, чтобы меня захотеть в жёны?! Отец стыдится меня и потому не торопится устроить мою судьбу?

– Нет, конечно. И ты сама это прекрасно знаешь.

Фиделия присела рядом с девушкой на второй табурет.

– Твой отец не торопится, потому что слишком сильно любит тебя и хочет подобрать тебе хорошего мужа – самого лучшего, какого только можно сыскать на свете. К тому же, – тяжело вздохнув, сузила большие глаза женщина. – Я была замужем трижды. И советую тебе быть осторожней в своих желаниях.

– Расскажи мне! Расскажи мне о мужчинах всё! Какие они? Какого это – быть ими любимой?

Улыбка на губах Фиделии сделалась натянутой:

– Я рассказывала уже. Тысячу раз.

– О! Я знаю, мой муж будет красив и храбр. И я буду любить его так сильно, что не смогу без него жить!

Сердце Марихат болезненно сжалось.

Эта девочка встала перед ней собственным призраком – наивным, глупым и... счастливым. Таким счастливым в своём неведении.

Марихат помнила, чем заканчиваются подобные вера и наивность – разбитым сердцем и болью, после которой приходит самое страшное: отрезвляющая пустота и ядовитый, как яд с клыков нагов, ничем неизлечимый цинизм.

Фиделия отвернулась, поднимая с пола обронённую в порыве страстных девичьих мечтаний, книгу:

– Ты читаешь слишком много романов, Нерина, – укоризненно покачала женщина головой. – Мне больно это говорить, но боюсь, ты узнаешь правду быстрее, чем мне этого хотелось бы – в мире, девочка моя, очень мало романтики.

Фиделия потянулась к оконным створкам, потянув их на себя в попытках закрыть:

– Погода стала такой странной. То жара, то лютый холод. Боюсь, это предвестие дурных времён.

– Чего ты опасаясь, матушка?

Услышав это слово, обращённое к другой, Марихат ощутила болезненный укол ревности.

– Эта смута на севере? Она не может нам угрожать, ведь правда?

– Не стоит забивать себе этим голову, девочка моя. И брось ты уже эти романы. Займись чем-нибудь полезным.

– Чем, например? – фыркнула Нерина.

– Тем, чем подобает девушке твоего положения.

– Вышиванием?! Нет, нет и – нет!

Уму непостижимо. Эти людишки собираются отдать эту глупенькую, восторженную девочку, чья голова наполнена блаженной чушью о всесильной силе святой любви во власть инкубам и вампирам, вооружённой таким «полезным» умением, как вышивание крестиком на пальцах?!

Дверь в этот момент распахнулась и на пороге появилась

шикарно разодетая молодая дама. Лет на пять-семь старше дочери Марихат, но держалась она с полной уверенностью хозяйки положения.

– Что здесь происходит? Что за шум?!

Лицо Фиделии застыло бесчувственной маской, а у девочки исказилось ненавистью.

При появлении разодетой в шелка девицы Нерина вско- чила со стула, сжимая руки в кулачки.

– Мне повторить вопрос? – ледяным голосом поинтере- совалась фифа. – Я требую ответа. Из-за чего вы посмели кричать?

– Нерина отказывается вышивать, – без тени эмоций про- информировала дуэнья.

С появлением красивой молоденькой фурии все фигурки встали на свои клетки. Марихат чуть было не подумала, что Ворикайн до сих пор держит в любовницах Фиделию, но то, что он возвёл в ранг официальной любовницы простолюдин- ку, как-то не вязалось со всем тем, что она о нём знала. Те- перь же всё правильно. Фиделия занимала положение нянь- ки, дуэньи, соглядатая при её девочке, которую, скорее все- го, с пелёнок и растила, и к которой, вероятно, была по-сво- ему привязана.

А вот эта краля и есть очередная фаворитка. Не жена.

Что именно заставляло Марихат так думать, она ещё сама не поняла, но в своих выводах не сомневалась.

– Всё это ваше «вышивание» и «игра на клавикордах» –

скупнейшее и бесполезнейшее занятие на свете! – яростно заявила Нерина.

К полному удовольствию маменьки, разделяющей подобный взгляд на вещи целиком и полностью.

– Вышивание и игра на музыкальных инструментах неотъемлемая часть образования каждой высокородной женщины в этой стране, – авторитарно заявила дама.

– Раз так – я не хочу быть уважаемой! – упёрла кулачки в бока маленькая фурия. – Я хочу быть любимой и хочу жить полной жизнью! Дышать полной грудью! Видеться с интересными людьми! Скакать верхом! Танцевать хочу! А ваши пальца? Оставьте их выжившим из ума старухам!

– Ты будешь делать то, что тебе скажут, – холодно процедила белокурая красавица, любовница лорда Молний. – Ты хочешь удачно выйти замуж, но при этом изо всех сил стараешься стать нежеланной для любого претендента, имеющего вкус и разбирающегося в женщинах.

– О! Конечно! Тебе ли этого не знать? Ты-то отца пленила исключительно умением вязать на спицах да играть на клавишине!

От такой дерзости у красавицы на скулах вспыхнули яркие чахоточные пятна.

Она угрожающе шагнула к дочери Марихат:

– Ты научишься вышиванию!

Если бы тоном можно было убивать, этот голос обвился бы вокруг тонкой девичьей шеи и сломал бы её. Каждое сло-

во дышало застарелой, лютой ненавистью, от которой даже прирождённую хладнокровную змею бросало в дрожь.

– Ты мне не мать, Эллетра! Ты не можешь меня заставить! Выйди вон из моей комнаты!

Не меняясь в лице, любовница Ворикайна, ловко вытащив длинную вышивальную иглу из подставки для игл, недрогнувшей рукой воткнула её в ладонь девушки, заставив ту охнуть.

В возгласе девушки удивления было больше, чем боли.

– Молчи и делай что велят, – велела Эллетра. – Ты не выйдешь отсюда до завтрашнего утра. И сутки будешь сидеть на хлебе и воде. И только посмей мне возразить – вышвырну на улицу, словно приبلудную собаку, какой ты, по сути, и являешься. Лорд Тейэртос слишком добр к тебе, вот ты и возомнила о себе невесть что. Знай своё место. Ты – обычный бастард.

Нерина стояла, задыхаясь от гнева и бессилия, но ничего не смея сделать.

– Я тебя ненавижу! Ненавижу!!!

– Фиделия, выйди из комнаты и запри дверь снаружи. Если узнаю, что ты посмела покормить свою любимицу, рассчитаю.

– Но, леди...

– Молчи! – прошипела дама так тихо и яростно, что Марихат восхитилась – даже в своём втором обличье у неё вряд ли получилось бы так же. – Или велю тебя бросить на корм

собакам. Ты ведь не хочешь, чтобы с твоей кормилицей случилось что-то подобное? – обернулась она к девушке.

– Ты не посмеешь! Когда отец вернётся, я всё ему расскажу! Тогда посмотрим, кто окажется на улице!

Когда Эллетра повернулась к её дочери, Марихат почудилось, что та сейчас набросится на неё с кулаками. А ещё она прочла на тонком лице фаворитки приговор своей дочери и возблагодарила судьбу, приведшую её в этот дом так вовремя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.